Н. Н. ЛИСОВОЙ

«ЖАЛЬ МНЕ ДО СМЕРТИ ВСЕГО ПРОШЕДШЕГО...»
(Из дневника архимандрита Антонина)

О читатель XX столетия!
Всмотрись в черты лица моего.

Дневник, 29 марта 1870

О Андрей, Андрей!
Не выживешь тебя никак из Антонина.

Дневник, 12 января 1881

Полная история Русской Палестины, уникального культурно-исторического феномена, созданного трудами Русской Духовной Миссии (с 1847 года), Палестинского Комитета (1858—1864), Палестинской Комиссии (1864—1889), Императорского Православного Палестинского Общества (с 1882 года), еще ждет своего исследователя. В настоящем издании представлена лишь малая часть огромного, мало пока изученного архивного материала, который, будем надеяться, поможет составить более цельную картину русского православного присутствия на Ближнем Востоке.

Одним из интереснейших церковно-исторических памятников второй половины XIX века, источниковедческий ресурс которого доныне не использован, является дневник архимандрита Антонина (Капустина), начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1865—1894 гг., более других потрудившегося для ее укрепления и расцвета.

...Одна из тетрадей дневника открывается следующим своеобразным «летосчислением»:

«Новый 1881 год,
Жизни моей — 64-й
Дневника сего — 49-й
Службы моей — 37-й
Монашества — 36-й
Выбытия за границу — 31-й
Палестинства — 16-й
Владельчества — 15-й
Сего затишья — 12-й
Сих седин — 10-й
Сих очков — 9-й» — Полная автобиография в нескольких словах.

Действительно, родился Андрей Иванович Капустин (так звали в миру автора дневника) 12 августа 1817 (кириопасхального) года, службу начал (преподавателем Киевской Духовной Академии) 25 октября 1843 года. Монашество принял 7 ноября 1845 года, за границу был послан (настоятелем русской Посольской церкви в Афинах) в 1850 году, в Иерусалим прибыл 11 сентября 1865 года. Первое земельное владение (в Бет-Джале, близ Вифлеема) приобрел в феврале 1866 года, утвержден в должности начальника Миссии («затишье») в 1869 году. Пожалуй, только с очками

«летописец» ошибся. Как явствует из того же дневника, «очконосцем» он сделался уже в октябре 1870-го, сразу по возвращении с Синая, где окончательно испортил зрение за работой над каталогом.

Но нас, собственно, больше интересует свидетельство о начале дневника. Первый из сохранившихся томов его действительно начинается с 1832 года, в полном соответствии с авторским «счислением»[1].

По завещанию отца Антонина от 19 марта 1894 года[2], дневник поступил на хранение в библиотеку Святейшего Синода с тем, чтобы публиковать его можно было не ранее, чем через 40 лет. В настоящее время он хранится в Российском Государственном Историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, в собрании Синода (ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1118—1134), и представляет собой 14 объемистых томов (от 280 до 900 страниц каждый). Описание рукописей было сделано в свое время М. А. Салминой[3], и мы не будем его повторять. Для нашей темы важны последние семь томов комплекта: том 8 (335 л.), содержащий дневник за 1865—1868 годы; том 9 (300 л., 1869—1873 годы); том 10 (336 л., 1873—1876 годы); том 11 (325 л., 1877—1879 годы); том 12 (315 л., 1880—1882 годы); том 14 (410 л., 1887—1890 годы) и том 15 (300 л., 1891—5 января 1894 года). Четырех лет не хватает. Отсутствующий том 13 должен был включать дневниковые записи 1883—1886 годов.

Вскоре после доставки рукописей в Петербург для Императорского Православного Палестинского Общества были сделаны копии, сохранившаяся часть которых (за 1866, 1868, 1874 и 1881 годы) и была использована для настоящей публикации.

Списки, сохранившиеся в архиве Палестинского Общества, в отличие от оригинала, находящегося в РГИА, переплетены погодно — каждый год в отдельном томе. На корешке каждого — надпись золотым тиснением: «Дневник архимандрита Антонина 1866» (аналогично на каждом из переплетов указан соответствующий год). В левом верхнем углу, на лицевой крышке переплета, — наклейка с шифром библиотеки Палестинского Общества. На внутренней стороне той же крышки, также в левом верхнем углу, — наклейка с экслибрисом Общества (переплетенные буквы П и О). Под экслибрисом каждого тома повторен чернилами от руки шифр библиотеки и указаны даты: «11/III 96» (для томов за 1866, 1868 и 1870 годы) и «26/X 96» (для тома за 1881 год). Рядом с датой — карандашные пометы, означающие, видимо, цену переплета: «1 р. 75 к.» в первых трех томах, «1 р. 50 к.» — в четвертом.

Том за 1866 год включает 163 страницы дневника, писарской рукой, и 27 страниц указателей (А. Имена личные; Б. Имена географические), в два столбца машинописи. Том 1868 года состоит, соответственно, из 220 писарских страниц дневника и 32 страниц указателей (по-прежнему машинопись, в два столбца). Том 1870 года — из 250 страниц дневника (писарская копия) и 24 страниц машинописных указателей. Наконец, том 1881 года полностью перепечатан на машинке (228 страниц дневника и 18 страниц единого общего указателя). Похоже, что дневники

---

[1] В. Н. Хитрово утверждает, что отец Антонин «оставил после себя собственноручные записки, в которых ежедневно, в течение слишком 60 лет, записывал пережитое, виденное и слышанное им с августа 1830 года по 5 января 1894 года. Записки эти представляют драгоценный сборник сведений о событиях и личностях православного Востока последних 40 лет». (Сообщения ИППО. 1899. Т. 10. № 1. Январь—февраль. С. 9). А. А. Дмитриевский (и повторяющие его дословно, как говорится, «с точностью до неточностей», архимандрит Киприан Керн и митрополит Никодим Ротов) датируют начало дневника ошибочно 1841 годом.

[2] Завещание известно только в пересказе А. А. Дмитриевского. (Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандрит Антонин // Труды Киевской Духовной Академии, 1904, ноябрь), который и цитируют позднейшие историки Русской Духовной Миссии.

[3] Салмина М. А. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 420—430.

60-х годов переписывались более тщательно, с сохранением всех греческих внутренних цитат отца Антонина, в сравнении с записями 1870 и 1881 годов, где греческие вставки, как правило, отсутствуют (об их наличии в оригинале можно судить лишь по карандашным пометам на полях).

О сделанных для ИППО копиях впервые упоминает (в цитатах из переписки секретаря Общества В. Н. Хитрово с известным библиографом Степаном Ивановичем Пономаревым) А. А. Дмитриевский в работе, посвященной памяти последнего: «Сколько удовольствия доставили вы мне дневниками о. Антонина! Мало того, я готов просить вас, умолять вас, присылайте мне Антониновское все до единой строчки. И этого мало: я готов даже сам переписывать их для вас совершенно безмездно», — писал Пономарев В. Н. Хитрово в письме от 9 сентября 1895 года[4]. И в другом письме — от 4 ноября 1898 года: «А вы, как видно, не пожалели средств на переписку и переплет их»[5]. «Несомненно, живой интерес к дневникам архимандрита Антонина со стороны Степана Ивановича, — считал А. А. Дмитриевский, — послужил причиною и того, что эти дневники не только были целиком переписаны, но и составлены к ним подробные алфавитные указатели»[6].

Более того. Похоже, что решительный В. Н. Хитрово готов был пойти даже на прямое нарушение завещания автора дневника. Вопрос о целесообразности его публикации обсуждается в переписке с С. И. Пономаревым уже через год после смерти архимандрита Антонина, в 1895 году. Позже несколько отрывков из дневника действительно были напечатаны[7]. Правда, в целом В. Н. Хитрово соглашался с мнением С. И. Пономарева о нецелесообразности полной публикации дневников отца Антонина.

Что касается их содержания, дневники отца Антонина полностью соответствуют понятию этого эпистолярного жанра.

Совершенно не думая о будущих публикациях, он поверяет своим тетрадям каждодневный рассказ о прожитом дне, сообщая о своих недомоганиях, прочитанных книгах, написанных статьях, увиденных людях, обследованных археологических памятниках, снах, наконец. Тем и ценны дневники, что день за днем мы не только узнаем из них о жизни конкретного человека, но и, как бы складывая кусочки этой мозаики, видим цельную картину жизни русской православной общины в Палестине, формирование и развитие отношений между церковными, дипломатическими и научными учреждениями православной России и Иерусалимского Патриархата.

Более всего сведений содержится о конкретных деятелях Русского Иерусалима — об архитекторах Русских построек М. И. Эппингере, В. А. Дорогулине и М. Ф. Грановском, о консулах и драгоманах Русского Консульства (А. Н. Карцеве, В. Ф. Кожевникове, А. И. Яковлеве и др.), о многолетнем бессменном враче Русской больницы Харлампии Мазараки и его жене, «первой даме Иерусалима» Елизавете Алексеевне (а она действительно была «первая» дама, если вспомнить, что Харлампий Васильевич приглашен был на работу еще Б. П. Мансуровым в 1857 году), о матушке Магдалине (Эберн), смотрительнице Русского женского при-

---

[4] Дмитриевский А. А. Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С. И. Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В. Н. Хитрово). Пг., 1915. С. 51—52.

[5] Там же. С. 30.

[6] Там же. С. 43.

[7] Из автобиографических записей бывшего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандрита Антонина // СИППО, 1899. № 1. С. 9—29; Несколько летописных данных из первых дней существования Русских подворий в Иерусалиме // СИППО, 1901. Т. 12. № 1. С. 73—75; Описание освящения Троицкого собора 28 октября 1872 года. Из дневника архимандрита Антонина. Низложение Иерусалимского Патриарха Кирилла. (Из дневника покойного архимандрита Антонина) // Там же. С. 75—84.

юта в Иерусалиме, и о первопоселенках («скитянках») будущего Горненского монастыря — Павле, Леониде, Ольге Чайке (в монашестве Марии).

С большой любовью — и всегда с добродушным юмором — пишет отец Антонин о своих ближайших сподвижниках и помощниках: архимандритах Вениамине и Парфении, и особенно о Якубе — Якове Егоровиче Халеби, драгомане Миссии, вдохновителе и организаторе Антонинова «владельчества» в Палестине. («А землю-то на что будем покупать?» — укоряет Якуб расточительного начальника за книжные траты 11 апреля 1866 года).

Дневник — единственный и очень откровенный свидетель личной жизни отца Антонина. Мы имеем в виду и повседневную благотворительную помощь его русским паломникам и всем нуждающимся, и трогательную историю многолетних забот о сестрах-сиротках Софии, Екатерине и Евпраксии, каждое утро прибегавших к нему за благословением (а часто и за деньгами), и, наконец, упомянутые сны.

Кое-кто из хорошо знавших отца Антонина и читавших впоследствии его дневники «соблазнялся» излишним для монаха вниманием, которое автор дневника будто бы уделял фиксации своих сновидений. Скажем прямо: мы не видим ничего «соблазнительного» в записи старым архимандритом снов, даже не вполне целомудренных. Скорее наоборот, усматриваем в этом свидетельство постоянного аскетического самоконтроля и самопреодоления. Есть в дневниках и сны высокого символического и пророческого значения. Укажем, например, «венчание Антонина с Афиной» (в ночь на 21 июня 1881 года), живо напоминающее известный эпизод из жития святого Константина Философа (обручение Константина с Софией, Премудростью Божией). Или «огромную великолепную церковь», приснившуюся ему 9 ноября 1870 года после дня Ангела, проведенного у любимого Мамврийского Дуба. (Русская церковь в Хевроне будет построена только в 1913 году и освящена в 1925 году).

Имя определяет судьбу и характер человека. В дневнике наслаиваются один на другой — как, очевидно, и в личности автора — различные имена и соответствующие «личности» разного возраста: от совсем еще младенческого воспоминания о Гане Высоконосом (так, Гавриилом, хотела назвать его, новорожденного, мать) до образа святого мученика Антонина, «плюнувшего в глаза» императору Юлиану (дневник от 7 ноября 1870 года). Любопытна — не только с филологической, но и с психологической точки зрения — история многочисленных псевдонимов отца Антонина, многие из которых рождались впервые также на страницах дневника.

Для настоящей публикации мы избрали шесть цельных фрагментов, дающих представление о широте занятий начальника Русской Духовной Миссии и, соответственно, о разнообразии материалов дневника.

Первый фрагмент — описание Страстной и Светлой седмиц 1866 года по живым впечатлениям от пасхальных торжеств в Иерусалиме, на которых впервые присутствовал тогда отец Антонин. Автор дневника был отлично знаком с тонкостями греческого богослужения (еще к 1859 году относятся замечания митрополита Филарета на записку архимандрита Антонина «О разностях между Греческой и Русской Церквами»): его порой удивленными, порой саркастическими замечаниями о греческом духовенстве пронизан весь дневник. Удивляет излишне лаконичное для современного читателя описание схождения Святого Огня в Великую Субботу. «Невиданное, неописанное и невообразимое зрелище», — только и отметил автор дневника. Это объясняется целомудренным и сдержанным отношением к литании Святого Огня, свойственным в целом русским богословам и церковным историкам XIX столетия.

Седмицы Страстей Христовых и Пасхи 1868 года (фрагмент 2) описаны более полно в части русского богослужения, и кратко — в части греческого. Это не удивительно, ведь первые впечатления уже улеглись и даже были изложены в пуб-

ликации 1867 года. О раздаянии Благодатного Огня отец Антонин пишет все так же кратко.

Дневник является незаменимым источником для восстановления «трудов и дней», то есть биобиблиохроники отца Антонина. Хронология работы над отдельными статьями может быть прослежена по дневниковым записям почти день в день. О некоторых его трудах мы вообще узнаем только из дневника. Так, известно, каким тщательным археографом был автор дневников. Еще в 1859 году он занимался изучением рукописных и книжных сокровищ древних монастырей на Афоне. В 1870 году составил свой самый известный каталог — Синайского монастыря, с описанием 1348 греческих и славянских рукописных книг (о пребывании на Синае см. дневник за июль—сентябрь 1870 года). Между тем, нигде не упоминается об аналогичной и достаточно трудоемкой работе, проделанной им по составлению каталога библиотеки Лавры Саввы Освященного (неизвестен и сам каталог: А. А. Дмитриевский, работавший с саввинскими рукописями в 1887 году уже в Патриаршей библиотеке в Иерусалиме, о нем не знает). Мы сочли необходимым опубликовать фрагмент дневника, связанный с работой неутомимого археографа в Мар-Сабе в июне—июле 1868 года.

Как известно, не опубликован ни один из составленных отцом Антонином каталогов. Нас могут ждать и другие встречи с его неизвестными работами. Дневник того же, 1868 года свидетельствует, например, об активной работе начальника Иерусалимской Миссии по исследованию и переводу древних актов Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Благодаря их совместным усилиям, русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев смог в результате отстоять перед Вселенским Патриархом право русских иноков на вечное владение своей обителью.

Широкую благодарную память принесли архимандриту Антонину его неустанные труды по устроению Миссии, расширению русских владений в Палестине путем приобретения для Русской Церкви ряда замечательных библейских памятников Святой Земли. Одной из первых и, может быть, самой впечатляющей — по богословскому значению — покупкой стал участок с Мамврийским, или Авраамовым Дубом в Хевроне — тем самым дубом, что изображается на рублевской иконе Троицы за плечом среднего Ангела. Мы публикуем дневниковые записи, относящиеся лишь к заключительной части долгого процесса по приобретению Дуба, начатого еще зимой 1868 года (фрагмент 4).

Весть о цареубийстве 1 марта 1881 года, потрясшая Россию, дошла до Миссии лишь три дня спустя, и то не по официальным каналам, что еще раз продемонстрировало более чем прохладное отношение государства к Миссии в Святой Земле. Понятное в данной ситуации подавленное настроение отца Антонина не мешает ему высказать свое отношение к Александру II, как «будто не самодеятелю и даже не самодержцу, а только как бы наместнику Николая» (фрагмент 5). В стихотворной форме отец Антонин выразился (в эпиграфе к апрельскому дневнику 1881 года) еще резче, усматривая в гибели царя «месть» за нарушение им супружеской верности по отношению к императрице Марии Александровне, умершей годом раньше и особо почитавшейся автором.

Дневник содержит уникальные сведения о паломничестве в Святую Землю известных церковных и государственных деятелей — архимандрита Николая (Касат-(Касаткина), ныне равноапостольного, создателя Японской Православной Церкви (в декабре 1870 года); архимандрита Павла Прусского, известного обличителя старообрядчества (17 сентября — 17 октября 1881 года); врача и антрополога А. В. Елисеева (3—15 июня 1881 года). И, конечно, прежде всего, великих князей Сергия и Павла Александровичей и Константина Константиновича в мае 1881 года.

Вполне объяснимое волнение архимандрита при встрече высоких гостей сменяется гордостью за свою работу. Отцу Антонину есть что показать: Мамврийский Дуб, Елеон, Горнее, Яффский сад, Иерихонское подворье, любимица Бет-Джала.

Отец Антонин как бы отчитывается перед будущим председателем Православного Палестинского Общества в своей деятельности и находит с его стороны полное понимание, участие и поддержку.

Восхищение отца Антонина великими князьями оказывается взаимным, насколько это позволяет придворная субординация. Великому князю Сергию Александровичу в беседе наедине отец Антонин дает совет «не привязываться всем сердцем к военной службе, замыкающей человека в слишком тесный кружок обязанностей, мыслей и дел, и вовсе ненужной членам Царствующего Дома, а все свое внимание устремить на помощь Государю и быть его ангелом-хранителем». Великий князь Павел Александрович исповедуется у отца Антонина перед Причастием в храме Гроба Господня, а Константин Константинович просит его молиться о том, чтобы ему попалась жена православная.

Добрые отношения, установившиеся у начальника Миссии с великими князьями, были, пожалуй, самым важным итогом их общения — важнее всех подарков, наград и пожертвований. А возникновение в 1882 году Императорского Православного Палестинского Общества во главе с Сергием Александровичем не только спасло Русскую Палестину от недальновидных интриг петербургских недоброжелателей, но и укрепило в дальнейшем статус Миссии, дав возможность тысячам православных паломников приобщиться к святыням Палестины.

Текст печатается с сохранением авторской орфографии. В составлении комментария использованы алфавитные указатели к каждому году, составленные С. И. Пономаревым и В. Н. Хитрово.

Архимандрит Антонин (Капустин)
(1817—1894)

ИЗ ДНЕВНИКОВ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)

1. Страстная и Светлая седмицы Страстей Христовых 1866 года

Великий Понедельник, 21 (марта)

Чудная погода. Припоминаются Афины с королевским садом и всею обстановкою минувшей жизни. Моление. М. Ф. с письмом из Верх-Исетского, не веселым и не печальным. У брата Александра[1] точно чахотка, и именно — бугорчатка! Ох-о-хо! Служба. Чтение еще 3-х писем. Вошел в терку наш беспардонный о. Акакий[2], и уже называет меня своим «добрейшим настоятелем», о голубчик сизый! Видно, на чужой-то стороне действительно назовешь и ступу матушкой и пест — батюшкой! Письма Ник. П-ча[3] дают снова в руки мне старую задачу зашивать прореху, не мною учиненную. Сидел по тем же делам у консула. Дома то перечитывал письма, то лакомился «Северною Почтою»[4]. По забвению, обедал. Поскучал отчего-то. Ночью служба без вчерашних слез. Господи, не лиши меня Твоих небесных благ!

Великий Вторник, 22 (марта)

Во сне разбирал пергаменные, разрозненные листы старых книг. В 9 часов служба. Чай. Сарруфовы рассказы о делах прошлой зимы (см. сон). Писание ненужного документа. Гости: патриарший библиотекарь[5] с бомбейским жителем Маврокардатом и женой онаго. Показывание им заведений наших. Обед, поправка холерной диссертации. Не веселость глубокая. В сумерках малый отдых. Служба. Чай. Поправка, дремота. Сон. Молитва. Писание сего. О, день достоплачевный! О возлюбленный наш и ненаглядный и ненаслушный, всякой цены дрожащий родитель! Уже целый год, как нет тебя!.. Ах, ах, ах! Забыл сказать, что после обедни служили сегодня панихиду по рабам Божиим, новопреставленном епископе Кирилле[6], иерее

---

[1] Капустин Александр Иванович — брат архимандрита Антонина, священник села Батурины, Пермской епархии.

[2] Акакий (Заклинский) — иеродиакон Русской Посольской церкви в Константинополе в то время, когда настоятелем ее был отец Антонин (1860—1865 гг.).

[3] Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — граф, русский посланник в Константинополе в 1864—1876 гг.

[4] «Северная Почта» — петербургский журнал, в котором отец Антонин сотрудничал в 1866—1868 гг.

[5] Надпись по-гречески.

[6] Кирилл (Наумов) — епископ Мелитопольский, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1857—1864 гг. Смещен по клеветническим доносам и интригам чиновников Иерусалимского консульства и отправлен в Казань настоятелем одного из монастырей — фактически в ссылку. Умер 10 февраля 1866 года в Казани.

Иоанне[7], Николае[8] и Иоанне[9], т. е. голубчике Ванюшке, которому послезавтра двухлетняя память. О, сколь ран уже нанесено сердцу! 1/2 второго. Ночь.

Великая Среда, 23 (марта)

Служение. Чтение. Сидение в гостиной ради мытственных дел. Кир Спиридон[10] с приглашением от Его Блаженства служить завтра с ним и быть представителем апостола Петра. Протоиерей из Балты. О. Василий Родзяновский. Утреня. Готовленье.

Великий Четверток, 24 (марта)

Встал с рассветом. Зашел к Патриарху и учился «действию». Служили в храме Воскресения, один Патриарх и 10 священников. Омовение ног гораздо полнейшее, чем бываемое у нас. Очень уж театрально, и притом же беспорядочно: и не более того. Оба наши и оба православные консула стояли на эстраде. Патрикий[11] говорил слово о смирении по-турецки, и возвеличил султана, и прочие «штуки». После обедни «селям» у Патриарха. Чай дома. М. Магдалина[12]. Обед с о. протоиереем. Утреня с 13 (sic!) Евангелиями.

Великий Пяток, 25 (марта)

Во сне нам с о. Леонидом[13] дают по ордену. Брат[14] говорит обо мне: грудь, предназначенная (или пригодная) для Отца и Сына и Св. Духа, украшается ... ленточкой. Великолепное место близ Иерусалима с густыми березовыми аллеями и древностями. Хочу купить оное ... и пр. Часы Великие, и непосредственно за ними литургия. Служило всех нас 10 священников и 2 диакона. Мой бедовый о. протоиерей, вышед раздавать антидор, внезапно обратился к народу с речью и выбранил тех, кто не думает сейчас же ехать домой после Пасхи. А. Н.[15] со словом во очищение совести. А. Е.[16] с самым очищением. А. И.[17] с чисткою юбилейных рублей. В 2 часа вечерня, и вслед за нею утреня. Статьи пели и читали по давнему моему

---

[7] Капустин Иоанн Леонтьевич — отец архимандрита Антонина, умерший 22 марта 1865 года.

[8] Капустин Николай Иванович — брат архимандрита Антонина, умерший в 1865 г.

[9] Капустин Иван Платонович — племянник архимандрита Антонина, умерший 24 марта 1864 года. Сам отец Антонин умер в тот же день, ровно через 30 лет, 24 марта 1894 г.

[10] Архимандрит в Иерусалимской Патриархии. Речь идет о ежегодно совершаемом на площади перед храмом Гроба Господня чине умовения ног. По неписаному обычаю, начальник Русской Духовной Миссии — в знак особого уважения к Русской Церкви — изображал при этом апостола Петра (см. также ниже запись о Чистом Четверге 1868 года).

[11] Патрикий — митрополит Акрский.

[12] Магдалина (Эберн) — монахиня, смотрительница женского поклоннического приюта в Иерусалиме.

[13] О. Леонид (Кавелин) — начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1863—1865 гг.; с 1865 г. — настоятель Русской Посольской Церкви в Константинополе. В описываемое время обменявшиеся не по своей воле местами служения отец Леонид и отец Антонин оба пребывали в положении и. о., так что последний не оставлял надежды вернуться в Царьград.

[14] Капустин Платон Иванович — московский протоиерей, брат архимандрита Антонина.

[15] Карцев Андрей Николаевич — русский консул в Иерусалиме в 1861—1867 гг.

[16] Васильевский Александр Егорович — секретарь Русского консульства в Иерусалиме с 1866 года.

[17] А. И. (Андрей Иванович) — одно из самообозначений архимандрита Антонина в дневнике.

порядку. Плащаницу обносили кругом дома Миссии. Все шло добрым порядком. В 9 часов отправился в храм Воскресения. Сириане. Копты. Греки... Великолепная служба окончилась в 3 ч. утра.

Великая Суббота, 26 (марта)

В 9 часов литургия. Чай. Три письма. Отправление на «благодать». Невиданное, неописанное и невообразимое зрелище — раздаяние священного огня. Для этого одного стоит быть в Иерусалиме... Дома принатуженный отдых. Молитва. В 10 часов я опять был уже у Св. Гроба. Слушал звон в доску, било, колокола и гонг, любовался освещением и пр.

ПАСХА

Магдалина Мария притече ко гробу, и Христа видевши, яко вертоградаря вопрошаше

Воскресение, 27 мар(та)

По прибытии во храм Его Блаженства часов около 10 ночи, началось пение: *Волною морскою*[18], мерное и довольно сносное, которому вскоре стали подзванивать в такт в железное било. После третьей или четвертой песни, священники начали принимать благословение у Деспота[19], а вслед затем облачаться. Мне пришлось немало времени стоять полуодетому в ожидании «истинной» ризы, такой тяжелой и неудобной, что мой vis-a-vis, примерив ее, немедленно уволил себя от такой чести. На 8-й песни облачились архиереи, а на 9-й — сам Патриарх. Перед самым выходом из алтаря, Его Блаженство сказал мне: «Будешь литургисать на Святом камне в Кувуклие»[20]. Вышли свещеносящи в храм, и из него ко Гробу, который обошли трижды, поя: *Воскресение Твое, Христе Спасе* и пр. После обхождения стали все у входа во Св. Гроб. Патриарх прочитал, стоя на северной лавке преддверия, Воскресное Евангелие от Марка, возгласил: *Слава Святей и Единосущней* и т. д.[21], и началось пение: *Христос воскресе из мертвых*[22]. Раз пропет был всерадостный тропарь и по-славянски тем же греческим напевом. После ектинии, большинство с пением Пасхального канона ушло в храм Воскресения, а мы, 5 священников со своим «Владыкой», остались служить Бож. Литургию в самом Гробе Господнем. Удостоился сей великой чести и радости, хотя и не могу похвалиться особенно благонастроенностью души, рассеянной от тысячи впечатлений минувшего дня. Апостол и Евангелие читаны были на 4-х языках: греческом, славянском, валахском и арабском. Пение также часто слышалось русское. Какими-то судьбами оказался тут присущим наш Ник. Ив-ч, который и поддержал честь своего отечества. К удивлению моему, обе литургии кончились в одно время, т. е. около 2 $^1/_2$ часов. У Патриарха легко разговелись, и на рассвете возвратились домой. Сон до 9 часов. Прием братий и иных многих. Около полудня церемониальное шествие из Патриархии.

Вечерня с Евангелием, чтенным на разных языках вразброд. По окончании службы христосование с архиереями, ставшими в ряд от царских дверей к южному выходу из церкви. Возвратившись домой, поздравлял консула и доктора. Служил другую вечерню в своей церкви вместе с утреней, на которой пет был канон любез-

[18] В оригинале по-гречески.

[19] Кирилл II — Иерусалимский Патриарх (1845—1872).

[20] В оригинале по-гречески.

[21] В оригинале по-гречески.

[22] В оригинале по-гречески.

ного Пермского напева, умиливший меня до слез. Господи! Прости мне мое утреннее бесчувствие. Обед с о. Василием (Родзяновским. — *Ред.*), секретарем[23] и гармонофлютом. Недолгое вечерование. Мысленное *Христос Воскресе* со всеми, близкими сердцу.

Св(етлый) Понедельник, 28 м(арта)

В 8 часов служение великим собором. Визиты к своему драгоману, к Мелетию[24], к Газскому[25], к Никифору[26], к Серафиму[27], пребывающему в храме, к епископу Коптскому Василию, к Прусскому консулу барону Розену, к епископу Сирианскому, к епископу Англиканскому[28] и к Реверендиссиму[29] братьев Св. Франциска. Добрался до дома уже около 6-ти часов, обедал, напрасно пытался заснуть хотя на полчаса. В 10 $^1/_2$ малый колокол оповестил время отправления в церковь. Ожидание у двоих ворот. Невпопадное начало службы нашей в приделе Ангела. Утреня. Литургия на Св. Гробе, во всем подобная вчерашней.

Св(етлый) Вторник, 29 м(арта)

Из храма вышли около 2-х часов ночи. Зашел на квартиру г. Сарруфа[30], где была уже приготовлена для меня постель. С час заснул. Звон Патриаршей утрени разбудил меня. На восходе солнца пришел Осман[31], и мы отправились на коптскую литургию. Пришли еще очень рано. Ходили по двору Абиссинского подворья, прослушали в Коптской церкви утреню, видели торжественное шествие Святейшего и Божественнейшего и Богоизбранного митрополита Св. Града Иерусалима и всея Палестины, Сирии, Аравии, Заорданья, Каны Галилейской. ... Литургия совершалась наиторжественнейшим образом, и длилась часа два. Едва можно узнать в ней ход нашего богослужения. Много странного и дикого. Узнав, что я в церкви, пришел туда же и Сирианский Владыка. Было и занимательное посвящение в диакона, или иподиакона. Во всяком случае, любопытно было видеть все это необычное для глаза богослужение. После обедни сидение у архиерея и ученые расспросы. Дома чай и сон. Во время вечерни приходил Reverendissimus с Дон Карлосом[32]. Разговаривали по-латински. Вечером обыкновенности.

Св(етлая) Среда, 30 м(арта)

На восходе солнца ушел в храм. Служил с Патриархом на Голгофе Бож. Литургию. На панихиду выходили все архиереи. Пели Пасхальный канон, и после каждой песни говорили заупокойную ектению. У Патриарха кофе и поправка стереоскопа. Великий обед у печального сына. Смеха куча. Нашествие иерархическое на дом миссии. Сидение у доктора[33]. Вечерня. Коптский Владыка. Вечер так себе. В Москве юбилей.

---

[23] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[24] Мелетий — митрополит Петры Аравийской, наместник Иерусалимского Патриарха.

[25] Прокопий — митрополит Газский.

[26] Никифор — архиепископ Севастийский.

[27] Серафим — скевофилакс храма Гроба Господня в Иерусалиме.

[28] Гоббат, Самуил — англиканский епископ Иерусалимский в 1847—1879 гг.

[29] Серафино Милани да Каррара.

[30] Сарруф Георгий Спиридонович — драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[31] Осман — кавас Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[32] Дон Карлос — викарий начальника францисканцев в Иерусалиме.

[33] Мазараки Харлампий Васильевич — доктор Русского госпиталя в Иерусалиме.

Св(етлый) Четверток, 31 марта

Поход с Османом к сириянам, к старому Хури[34], в монастыри: Евфимиев, Екатерининский, Димитриевский. Дома чай и отдых. Визиты. Сирианский Владыка. Вечерня. Бурса с улицы Rivoli. Кончина месяца Марта.

АПРЕЛЬ

Забудь про зимну мятель.
Садись под душисту ель,
Возьми в свои руки свирель,
И воспой превосходный апрель.

Федор Черепанов[35]

Св(етлый) Пяток, 1 апр(еля) 1866

Отказал нам Патриарх в удовольствии помолиться в Гефсимании. Не согласился ни за что, чтобы пение было русское — под тем предлогом, что греческие паломники могут оскорбиться этим. А русские — не могут? И что же вышло из запрещения? Все-таки слышалось большею частию русское пение, устроенное кое-как поклонниками, и любезная хасмодия[36], неизбежная при всяком греческом богослужении, сияла во всей красе своей. После обедни делал визиты всем своим и некоторым чужим. Прошатался до самой Всенощной. Баня.

Св(етлая) Суббота, 2 апр(еля)

Служили еще раз большим собором обедню, и тем закончили священную Пасху. И завтра нам отказано в служении на Малой Галилее. Одним словом: не дают нам хода. Остается обращаться с просьбами к Паше. Ничего нового, кроме Вифлеемской прискорбной истории. Экое безобразие, подумаешь.

Антипасха, 3 апр(еля)

Служил вместо меня о. протоиерей Родзяновский. Чай. Консул. Жалоба оному на отказ в Малой Галилее. Писание латиномудрственной статьи[37]. Обед. Вечерня. Воспоминание о 3-м апреля 1840 г. Вечерование с обычным нервным стрелянием в ушах и позевотою. Бетжальская институтрисса[38], расшедшая по пути с двумя курьерами. По словам ее, работы в школе ее идут скверно. Апология Мастера. Совещания с архитектором и пр. Телеграф известил, что «Олег» пришел, но Эппингера[39] не принес.

---

[34] Хури старый — священник в Иерусалиме.

[35] Одно из авторских самообозначений архимандрита Антонина в дневнике.

[36] Греческий термин, означающий одновременно и «зевание», и «зияние» — т. е. скопление гласных в тексте песнопений.

[37] Имеется в виду статья архимандрита Антонина: Латинское богослужение последней недели Великого Поста в Иерусалиме // Христианское чтение. СПб., Т. 12. 1866. С. 468.

[38] Бодрова Елизавета Федоровна — начальница Русской школы для девочек в селении Бет-Джала (под Вифлеемом), учрежденной архимандритом Антонином в 1866 г.

[39] Эппингер Мартын Иванович — профессор архитектуры, надворный советник, член Императорской Академии художеств, главный архитектор Троицкого собора и других Русских построек в Иерусалиме. «Грозный Мартын», как называл его в своих дневниках отец Антонин.

2. Страстная и Светлая седмицы 1868 года

Лазарево воскресенье, 23 марта

Дождь проливный. Служил дома, а гость[40], несмотря ни на что, отправился на Масличную гору, где промок до костей, зато читал *Верую* и даже пел, кажется. Почта принесла только Allg. Z-tung.[41], а письма ни единого. Обед с икрой, по положению. Снабдила оною стол наш madame[42] легко угадываемая. Всенощную предоставлено было служить мне одному. Пальмы и свечки придали богослужению весьма торжественный и занимательный вид. Помазание елеем продолжалось за конец службы. Писать статьи сегодня не удалось совершенно.

Неделя Ваий, 24 марта

До свету встал и отправился в храм. С Патриархом служили все 8 архиереев. В алтаре стояли два американских священника, и целая партия американок ходила потом в процессии. По окончании обхождения Патриарх читал Евангелие дневное перед Гробом Господнем, и пр. Я не пошел угощаться там наверху, а поспешил к своему самовару, под сенью которого и сидел с о. Феодором[43], который нашел в одном путешествии их (т. е. грузинского. — *Ред.*) какого-то митрополита семисотых годов, что два были Гроба Господня, ибо Первосвященники, не доверяя Пилату и его страже, перенесли тело Господне из Иосифова гроба в другой (нынешний). Курьез. Кто это рассказал такую вещь здесь поклоннику писателю? Книжка напечатана в Тифлисе при Воронцове[44]. Чтение немецкой газеты. Обед с ухою из свежей рыбы по Уставу. Гость не почтил оной своим вкушением, ибо обедал у Патриарха. Всенощную правил сам Владыка. Американки любовались нашею службою, а несчастная оная припадочная расстраивала ее своими ужасающими криками. Вечером успел позаняться статьею. Забыли с м. Магдалиной и о сегодняшнем и завтрашнем чае поклонническом. Хороши старатели бедного люда!

Великий Понедельник, 25 (марта)

С 8 часов начали служить, а к 11-ти кончили. Все шло порядком. У консула чай и почта, в последней «Gumelle Duchess» и пропасть писем, одно с Урала свадебное. Обед без рыбы. Чтение. От 6 до 8 ч. служба.

Вел(икий) Вторник, 26 (марта)

В 6 часов пискливый звон к Евангелию. Архиерей служил и успел прочесть двух первых Евангелистов. Крепкая грудь и мужественный дух! А я и чаем не угостил труженика за таковой его подвиг, и вместо обеда предложил ему одни сухие плоды! При закате солнца опять служба, а после нее чай и кое-какое чтение. Выдано сегодня жалованье братии, а у «отца» Ивана[45] удержано.

Вел(икая) Среда, 27 м(арта)

По вчерашнему, с 6 часов началось чтение Евангелия, и продолжалось часа полтора. Потом была последняя литургия Преждеосвященных с последнею Ефремовою

---

[40] Александр (Павлович) — епископ Архангельский в 1857—1860 гг.; Полтавский — в 1860—1862 гг. Скончался на покое в 1874 г.

[41] Влиятельная немецкая политическая газета, выходившая в Аугсбурге (Бавария). Постоянно выписывалась, читалась и подшивалась отцом Антонином.

[42] Мазараки Елизавета Алексеевна — жена доктора Х. В. Мазараки.

[43] Священник из Грузии.

[44] Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф. Наместник на Кавказе в 1845—1854 гг.

[45] Певчий Русской Духовной Миссии.

молитвою. Служил и я с Владыкой. Узнав, что он «вчера ничего не ел», я предложил ему сегодня безъелейный обед, после которого он ушел в храм, оставив нас одних служить здесь. Приглашение Блаженнейшего быть завтра Петром[46]. Внесение в алтарь Креста, поправленного М. Ф-чем[47]. Служба. Чай. Мытье ноги, уготовляемой для завтрашней церемонии. К утру — дождь.

Вел(икий) Четверток (28 марта)

К восходу солнца отправился к Патриарху. Служил с ним обедню в церкви Апостола Иакова. Умовение происходило на площади при полном сиянии солнца. В облачениях мы вышли потом в Патриархию, где и угостились обычном образом. Письмо к Сарруфу II[48]. Обед с маслом и вином. Утреня с архиереем, выносом креста и грузинским Евангелием[49]. Кончили все часам к 8-ми, так что имели еще довольно времени сходить в баню.

Вел(икий) Пяток, 29 (марта)

В 8 ч. правили Царские Часы с вчерашним торжеством и великолепием. Евангелия читал сам Владыка. Церковь была полнехонька народу. В час служили вечерню одни без протоиерея, и вынесли Плащаницу. При сем явилось уже две припадочных поклонницы. Ходили ради сего к консулу. От 5 до 8 правилась утреня. Обошли чуть не бегом однажды дом Миссии. Архиерея тоже не было.

Вел(икая) Суббота, 30 (марта)

В 7 часов обедня. Чай с о. Иоасафом[50]. Почта без писем. Хождение на Св. Огонь. Должность Мутран-нура[51] исправлял на этот год сам Патриарх. Я участвовал в обхождении. Шум и речь неописанные. Дома обед. В церкви Акафист Воскресению. Приготовлѐние.

ПАСХА

Христос Воскресе, смерть поправый и мертвыя воздвигнувый. Людие, веселитеся

Свѣтлое Воскресение, 31 м(арта)

Отправились в храм в половине 10-го часа. В 10 начался внутренний звон, за ним — великосубботний Канон, длившийся до безмерности. С полчаса мы стояли, вышедши из алтаря и ожидая, пока окончат латинцы свою утреню или что-то другое такое же с обхождением вокруг Кувуклия[52]. Чуть они кончили, двинулись мы, и троекратно обошли, едва переступая с ноги ни ногу, «светлейший всякого чертога царского» Гроб Христов. Пели песнь Воскресения не менее, как на 10 отделов или хоров.... Жаль, что нельзя было стоять вне и слушать эту несравненную, восторжен-

[46] То есть представлять апостола Петра при совершении Чина умовения ног в Чистый Четверг.

[47] Грановский Михаил Феофанович. См. выше.

[48] Сарруф Георгий Спиридонович. См. выше.

[49] В связи с участием в богослужении грузинского духовенства.

[50] Иоасаф — игумен обители Св. Саввы Освященного († 1874).

[51] Мутран-нур — дословно «митрополит света». Так именовался по-арабски иерарх, возглавляющий литанию Святого Огня в храме Гроба Господня в Великую Субботу.

[52] В текстах XIX века для часовни Гроба Господня общеупотребительным именованием было «кувуклий» (муж. рода), а не «кувуклия» (жен. рода), как мы пишем сегодня.

ную разноголосицу. Патриарх со скамейки прочел Евангелие от Матфея, кончив словами: «промчеся слово сие до сего дне». Затем вошел с архиереями внутрь Гроба Господня... Раздался звон, зашумели вращающиеся хоругви, все всполошилось и просияло радостью:

Христóс Анéсти!

Чуть пропели трижды эту, ни с чем несравненную песнь над местом всеславного и всеспасительного события, мы, русские, подобно мироносицам, побежали от Гроба передать блажайшую весть своей России. В половине 1-го часа заблаговестил и наш колокол. Запели и мы свое: *Волною морскою*, обошли и мы кругом своего образного Гроба Христова однажды с пением на два лика предварительной песни воскресения, и в северном притворе возгласили:

Христос Воскресе!

Служащих было, со мною вместе, 13 человек, да 2 иеродьякона. Евангелие читали по-гречески, по-русски, по-грузински и по-славянски. Кончили службу к восходу солнца. У консула разговелись. Потом сон, за ним — чай, а к 11-ти часам уже снова пешеходство в Святой Гроб. У Патриарха пождали около часа начала церемонии. Туземцы зевали, иноземцы (американцы) рассматривали драгоценности патриаршего облачения. Блаженнейший, обнимая окаяннейшего[53], не удержался и заметил, что сей оставил онаго утром и бежал... Имеяй уши слышати да слышит! Наконец мы облачились, иереи же и первосвященницы, и торжественно отправились в храм.

Служба шла часа два, да столько же времени длилось христосование. Поцеловавшись со всеми святителями, и приложившись золотыми устнами к диску Кириллову, я бродил по храму коротая время, затем с Якубом[54] и Османом[55] взошли на террасы Патриархии, и долго там шатались семо и овамо. Взбирались даже на верхушку большого купола. Любуясь панорамою города, я слушал и два звона, соседний безалаберный, и наш хороводный, перенесся мысленно в дальний север — в Батурщину, в Пермь и в Москву, и посылая всем живым и усопшим мирное: *Христос Воскресе,* не по праздничному погрустил. Спустившись на Голгофную террасу, еще долго смотрел на город, Элеон и весь восток. Придется ли еще провести здесь светлый день Воскресения Христова, Господь ведает. Дождавшись конца христосования, которое зрел из окна надголгофного, я сошел вниз, и примкнул к кортежу патриаршему. Моя палка с топазом сияла в руках сияющего довольством Патриарха. Мы вышли к нему, угостились водовареньем, получили по три писанки, и отправились восвояси. Дома немедленно начали править свою вечерню, к которой присовокупили, по русскому неуставному обычаю, и утреню. Умилительно было слышать и пение: *Плотию уснув*, но сладких слез минувших лет при том уже не было. Архиерей не присутствовал при нашей службе, равномерно отказался и от моего обеда, накушавшись того сего урывками то у консула, то у доктора. Помышлял об отправке реляции г. Морицу[56], но и еще раз не успею сделать к почте этого настоятельного дела. Утомился сегодня, и ложусь спать сию минуту.

---

[53] То есть архимандрита Антонина, автора дневника.

[54] Халеби Яков Егорович — драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[55] Кавас Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[56] Мориц Петр Алексеевич (1817—1898) — секретарь императрицы Марии Александровны, неизменно оказывавшей покровительство Русской Палестине.

АПРЕЛЬ

И письменно и устно
Воспел бы я апрель
Да, право, что-то
грустно...
На ум нейдет свирель.

Светл(ый) понедельник, 1 ч(исло)

В 6 часов мы начали служить обедню, и в 7 1/2 уже шли на армянский праздник. Архиерей и все чиновство наше уже были там. Я пришел к Великому Входу, т. е. к переносу даров из придела Святого Апостола Иакова на большой престол. Нас поставили на самом виду, на левой стороне «хора», а на правой стоял губернатор с детьми. Рев и вой соседних певцов, раздиравший уши, стоит того, чтобы кого-нибудь выдрать за уши. Владыка заболел и вышел, а мы выстояли всю службу до конечного конца ее. В крестном ходу участвовало до десяти священников (в чалмах и пр.), до 10 иеромонахов (в митрах), 13 вартабетов (с посохами), два архиерея и последний — Патриарх. Блеску, сколько хочешь, а реву даже больше, чем хочется. В Патриархии угощались. Самоблаженнейший пожаловался, что я, со времени его возвращения из Египта, не виделся с ним. ... Я заверил Его Святыню, что ношу его в самом центре своего сердца... на что он отозвался, что иногда то, что кроется в сердце, выходит наружу... Мне оставалось добавить, что в сердце человеческом есть такие глубины, из коих уже ничто не вынырнет. Прощаясь потом, он еще делал рукою спиральный знак около сердца. Бедовый мастер своих дел. Возвращался с Ив. Мих. Лексом[57], у которого потом еще сидел около часа. Экой отличный господин! Визит М. Ф-чу[58] и больной супруге его[59], доктору[60] и здоровой супруге его[61]. Обед без гостя, продолжающего чувствовать себя не ладно. Вечерня с утреней. Визит Магдалины[62], канцлера[63] и чай у Madame[64] .

Св(етлый) вторник, 2 апр(еля)

Архиерей служил в храме Воскресения по какому-то своему случаю. Вся Миссия там же. Дома у нас, потому, службы не было совсем. Ходил и я в храм, и стоял в разных местах, слушая наше пение, увы, вовсе непригодное для огромных церквей. Возвратился домой Дамасскими воротами. Читал «Русского» и в нем статьи об Иерусалиме г. Погодина[65]. В 9 часов собрались к консулу, и в 1/2 11-го отправились все к губернатору, а от него в Эль-Сахр и в Эль-Акса[66] , к колыбели Христовой, к Золотым Воротам, к смешному Трону Соломонову и больше никуда. Идя по

[57] Лекс Иван Михайлович — паломник.

[58] Грановский Михаил Феофанович. См. выше.

[59] Грановская Екатерина Никитична.

[60] Мазараки Харлампий Васильевич. См. выше.

[61] Мазараки Елизавета Алексеевна. См. выше.

[62] Монахиня Магдалина (Эберн). См. выше.

[63] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[64] Мазараки Елизавета Алексеевна. См. выше.

[65] Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк и писатель. В 1867—1869 гг. издавал в Москве газету «Русский», в которой печатал свои корреспонденции архимандрит Антонин.

[66] Речь идет о посещении горы Мориа — мусульманской священной зоны Старого Города, с мечетями Куббет-аль-Сахра («купол над скалой»), именуемой обычно «мечеть Омара», и Аль-Акса («Удаленнейшая»).

Крестному пути, зашли к Сестрам Сионским[67] и в новоосвященную церковь. Между малою и большою аркою на камне видны (греческие) букв. Ясное дело, что арка не римского происхождения. Если бы Ирод или кто другой выстроил ее в честь какого-нибудь кесаря, то, верно, учинили бы надпись латинскую. Не принадлежит ли, потому, арка Маккавейскому периоду?[68] Продолжая путь, зашли к «Стражу Св. Земли»[69], который передал мне ответ из Рима относительно рукописи жития Св. Николая Чудотворца[70], и к Monsignor Vincenzo Bracco (а не braccae) Vescovo, Avsiliare e Vicario Generale del Patriarca Latino[71], у которого взглянули в библиотеке на Acta Sanctorum[72] . Оказалось, что в Париже недавно перепечатаны все тома Антверпенского издания, и что все издание доведено уже до 28 числа октября. У меня значит недостает томов 10 или 12. Нехорошо это. Дома обед. Вечерня. Патриарх со всем собором, чтение Русапета[73] и сидение у Мартына Ивановича[74] часу до 11-го.

Св(етлая) среда, 3 апр(еля)

Ну, после шампанского чтобы не случилось какого-нибудь там расстройства, это уже было бы слишком хорошо. Обедню служил о. Виссарион всю по-грузински. На чаю сидела писательница[75], выслушавшая от меня немало колючих приветствий. Подите же, имею сочувствие к ее дарованию, и начинаю принимать участие в ней и ее «скорбях». Отличную инокиню преследует весь мир!... Уже хочет распустить слух, что выезжает в Россию и поселится incognito в Хараламиевском монастыре вместе с сыновьями — отлично хорошими людьми на ее взгляд.. Бой баба! От 10 часов и далее делали с Преосвященным визиты всем архиереям — здешним, Синайскому и Египетским, заходили и к Патриарху, остававшемуся все еще под впечатлением свидания с ним г. Лекса. Дома отдых, обед, служба, визит армянского Патриарха, сперва обещания, а потом отказ быть на вечере у консула, под предлогом желудочного расстройства, чтение и дремание.

---

[67] Речь идет о монастыре Сестер Сиона и храме Ecce Homo, воздвигнутом на месте, куда Пилат вывел Иисуса (Ин. 19, 5), и освященном за несколько дней до визита архимандрита Антонина — 21 марта/3 апреля 1868 г.

[68] Мнение архимандрита Антонина о датировке арки временем Маккавеев оказалось ошибочным. По данным современных археологов, арка построена Адрианом в 135 г. и представляет собой восточные ворота Элии Капитолины. Вопреки воле императора-язычника, думавшего своим строительством уничтожить в Иерусалиме память о Распятом, история судила иначе: именно монументы, воздвигнутые им на местах евангельских событий, помогли сохранить их для будущего.

[69] «Кустод Святой Земли» — именование главы францисканцев в Палестине. (Он же, в дневниках Антонина, Reverendissimus). В 1863—1873 гг. им был Серафино Милани да Карра.

[70] Интересовавшую его рукопись из Ватиканской библиотеки архимандрит Антонин получил и опубликовал ее в своем переводе с комментариями: Святой Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской Духовной Академии, 1869. № 6. С. 445—497.

[71] «Епископ, Помощник и Генеральный Викарий Патриарха Латинского». Титул Патриарха Латинского был восстановлен папой Пием IX в 1846 г., в самый канун учреждения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[72] «Деяния святых» — знаменитое агиографическое издание, начатое Иоанном Болландом в 1643 году и продолженное его преемниками, болландистами. Архимандрит Антонин в 1868 году намеревался приобрести полный комплект.

[73] Газета «Русский». См. выше.

[74] Эппингер Мартын Иванович. См. выше.

[75] Мелетия (Нарожницкая), монахиня, автор «Путешествия в Иерусалим».

Св(етлый) четверток, 4 апр(еля)

На свету отправился в храм. Служили с Владыкой на Святой Голгофе обедню и молебен с коленопреклонением. У Серафима[76] угощались. Затем я заходил в Архангельский монастырь, в магазин Мурата, в таковой же — Клименка, и наконец водворился дома. Тут чай, «Русский», два Исаака, приходское духовенство Иерусалимское, профессор Мухлинский и пропасть других посетителей и просителей. Успел впрочем написать письмо к завтрашнему имениннику[77]. Обед. Вечерня с утреней. Крепкое утомление. Отбывающий Lex[78].

Св(етлая) пятница, 5 апр(еля)

Праздник в Москве[79] и разрешение вина и елея. Служили с Владыкой всей Миссиею в Гефсимании на Гробе Божией Матери. Обзор латинской пещеры «страдания». Возвращение к самовару, прощание с Яфиоткою[80], глупые ожидания паши. Упражнение в чтении. Стихарная история Палладия с Иваном[81], обличаемом тем в воровстве при содействии собственной его племянницы, разливающейся по сему поводу в слезах... и прочие подробности. Обед без гостя, где-то инде откушавшего. Антики. Служба с архиереем, но без Ивана, заболевшего зубами, проще же рещи, кумекнувшего. 10 экз. «Путешествия в Иерусалим», 2 славянские рукописи... Пошло уже все на книги сегодня!

Светлая суббота, 6 апреля

В 8 часов служили с Владыкою. Дьякон был один, иереев только 2 пары, пение мизерное. Расклеились что-то все. Ждал почты с нетерпением, ибо видел давеча во сне какую-то великолепную чушь на свой счет. Действительно, получил с газетами письмо от брата, но нового в нем ничего, кроме болезни Алеши[82] с признаками недуга Ванюши[83] покойного. Приготовление письма халдейскому отроку Афонскому[84]. Бетжалиотка[85] и множество иных чужестранцев. Андрей[86] за паспортом и аттестатом. Саждение пальм. Сарруф III[87] с письмом от Сарруфа II[88] о Сарруфе I. Всенощная все еще без Ивана[89],

---

[76] Скевофилакс храма Гроба Господня в Иерусалиме.

[77] Капустин Планон Иванович. См. выше.

[78] Лекс Иван Михайлович. См. выше.

[79] В Москве — именины протоиерея Платона Капустина. Назван в честь прп. Платона, исповедника Студийского (празднуется 5 апреля).

[80] Яфиотка — жительница Яффы (отец Антонин писал название города с одним «ф»). Имеется в виду Мелетия (Нарожницкая). См. выше.

[81] Иван Полтавский — певчий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[82] Капустин Алексей Платонович — племянник архимандрита Антонина.

[83] Капустин Иван Платонович. См. выше.

[84] Азария — инок Русского Свято-Пантелеимонова на Афоне монастыря, которому архимандрит Антонин помогал в подготовке к печати древних актов: Акты Русского на Святом Афоне монастыря святого великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.

[85] Бетжалиотка — жительница Бет-Джалы (отец Антонин писал название этого селения — Бетжала). Имеется в виду Бодрова Елизавета Федоровна.

[86] Певчий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[87] Сарруф III Федор Спиридонович — временный драгоман с 1867 г.

[88] Сарруф II Георгий Спиридонович. См. выше.

[89] Певчий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

обещающего уйти в больницу. Архиереевы рассказы об архиерейском служении. Молитва.

Антипасха, 7 апреля

Служили мы одни. Народу было значительно менее против прежних разов. Возвращаемся к будничному порядку жизни. Патриарх не совсем здоров и не служил сегодня. Погода сумрачная. Пожалуй, и пароход сегодняшний не зайдет в Яффу. «Родственница»[90] оная с словом о пособии. Обед одинокий. Эппингеровы книги. Андрей с прощальным поклоном. Боюсь, что парня перетянут к себе некрасовцы[91]. Неугомонная собачонка. Поминутный стук то в те, то в другие двери. Жорж[92] с неким Ксанфопулом Смирниотом. Абуна Салиб[93] и его рассказы о притеснениях Коптских, и пр. и пр. Вечер. Напрасная мысль соснуть немножко. Возня с антиками, длившаяся часов до 2-х пополуночи. Гость собирается в путь-дорогу.

3. Описание рукописей в библиотеке Лавры св. Саввы Освященного (29 мая — 21 июня 1868 г.)

Среда, 29 мая

Мгла в воздухе, а потом и дождь. Чай. Две сестры-голубки. О. Гедеон[94] за золотом. О. Савва[95]. Муса[96]. О. Вениамин[97]. Французская почта с «Le Nord» и «Illustration». Бумага из Хоз. Управления о регенте и прочем. Софья Павловна[98]. Мать Магдалина. Сборы. А. Е-ч[99]. Чижик в лодочке[100]. 1 час. Пора собираться в путь-дорогу. В два часа обедал. Потом еще полчаса толокся, ожидая о. Вениамина[101]. Наконец все было готово. Осман, я, о. Вениамин и провизионный осел составили караван. Якуб с братом провожали до Яффских ворот. Неспешно переехали горный путь, и на закате солнца были уже в монастыре. Звон. Встреча. Пение. Угощение. Сидение над пропастью. Духота.

Четверток, 30 мая

Почти не заснул до самой утрени. Зато после утрени часа два спал по всем правилам. Ракогликонеро. Чай. Отправление в Юстинианову башню с о. Вениамином и разбор старых книг, длившийся до 2-х часов пополудни. Отобедав и отслушав вечерню, я вторично отправился на башню и сидел там до захождения солнца. Во все это время веял ветерок. Возвратившись, сидел на террасе и читал «Le Nord», предаваясь абсолютному покою. Первый день прошел, как следует. От пресловутого саввинского зноя не задохся, хотя порядком изнемог от подъема в башню.

---

[90] Мелицина Марфа Алексеевна, родственница — просительница.

[91] Видимо, речь идет о старообрядцах-некрасовцах, переселившихся в пределы Османской империи в XVIII в.

[92] Сердис Георгий Герасимович — аптекарь русской больницы в Иерусалиме.

[93] Абиссинский митрополит.

[94] Иеромонах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[95] Иеродиакон, поклонник.

[96] Муса — подрядчик на строительстве русской школы в Бет-Джале.

[97] Иеромонах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[98] Янчуковская С. П. — поклонница из Киева.

[99] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[100] Мориц Петр Алексеевич. См. выше.

[101] Грузинский священник, паломник в Иерусалиме, помогавший отцу Антонину с описанием грузинских рукописей.

Пяток, 31 мая

Ночью было однако же душно. Кое-как спал и даже видел во сне, что был в Москве и целовал у маменьки руку, говоря ей, что еще раз приехал увидеться с нею. Утреня. Луна. Вторичный сон. Чай. Сидение в башне до 3-х часов. Обед — не саввинский, приготовленный самоучным поваром о. Вениамином. Добрый старец! Опять башня. Житие Св. Феодоры. Такое же Св. Андрея Христа ради юродивого. Возвращение вниз. Справка в славянских книгах. Чай. Сличение житий. Прибыл гость, арх. Дионисий. Ничего — и сегодня. Пребывание кажется не только сносным, но даже приятным. Что дальше будет, не ведаю.

IYNIЙ

Суббота, 1 июня

Утреня. Сон, и в нем сличение двух телескопов, сего и онаго. Антидор. Св. вода. Чай. Утомительное путешествие в башню и занятие в ней до 3-х часов. Вечерня Дионисиевская с аниксандариями и литией в честь новомучеников. Ветер бедовый. Занятие на террасе, потом здесь. Чай. Иду спать.

Воскресенье, 2 июня

Спускался вниз к обедне, после которой угощался с братством на низкой террасе. У себя пил чай, и целый день потом занимался дома описанием Евангелий, нарочно вчера принесенных из башни. Этак работать сподручнее. Неожиданное явление Османа с рабою и немедленное возвращение его восвояси. Обед. Вечерня. Сидение с книгами сперва на террасе, а потом здесь, т. е. в светелке у окна церковного. Комары. Крики дерущихся лисиц. Чай. Жар.

Понедельник, 3 ч(исло)

Письмо от Морица, во сне — разумеется, и в нем два малых крестика Аннинских с драг. камнями. Дурной знак! Рано до чаю ушел в башню, и поселился на верху оной. Человек Божий принес туда чаю. Шум и гам отправляющегося на Иордан каравана. Печение солнца и продувание ветра. К 3-м часам водворение в архондарике. Обед рыбный (беззаконие) с гостем арх. Дионисием. Напрасное ожидание Сарруфа с почтою. Терраса. «Le Nord». Рассказы Дионисиевы про княжества и про наше воинство. Разбор Евангелий. Ветер или точнее — ветерочек, имеющий стихнуть совершенно к полуночи, и оставить нас на жертву духоты.

Вторник, 4 ч(исло)

Сплю с открытыми окнами и тем спасаюсь от жара. Сквозьсонная утреня и полусонная обедня. Чай. Занятие дома. Прибытие Кир Феодоро с Османом, хлебом, астаком и проч. Спуск в Юдоль Плачевную[102] и гулянье по ней до самого конца ее, иже к востоку. Бедуины — иерихонские, так и просящиеся в фотографию. Возвращение восвояси. Сидение на террасе. Чай. Та же работа, а за нею позевота.

Среда, 5 июня

Уж какая там утреня! После чаю, ушли с S в башню, и до часа пополудни занимались отыскиванием и переводом арабских надписей и заметок. Жарко и душно. Утомление. Спуск к своим пенатам. Обед. Благовестное било, и вслед за ним

[102] Юдоль Плачевная — долина Кедрона, ущелье в Иудейской пустыне, на склоне которого расположен монастырь Св. Саввы Освященного. Неподалеку от монастыря Кедронский поток впадает в Мертвое море.

Осман с почтою. Отношение Хоз. Управления о снятии с покойного о. Гавриила[103] его долга. Статья Солодянского[104] . Письмо к о. Леониду[105] . Папа — Анфим с рассказами о Заиорданье и о двух искушениях на Сорокадневной горе: одном — с золотом, другом — с демонами. На террасе рассказы в другом роде о. Дионисия. Чай. Разбор арабских заметок.

Четверток, 6 (июня)

Пальма оная не шелохнется. Солнце не только печет, но и допекает. Сидели с К. в церковной библиотеке до 2-х часов, и слушали вещания Герасима многоглаголивого. Обед. Зной. Внимание вечерне сверху. Духота невыносимая, и несмотря не нее все-таки самовар и жгучий чай — своим порядком! Занятие Минеями, ограничивающееся почти одною чисткою их. Уф! Зной африканский. Часов около 9-ти ветерок, но и он тоже знойный. Ни писать ни читать нет сил.

Пяток, 7 (июня)

В полночь колокол, за ним другой, третий и т. д. Это значит, что производится сегодня печенье хлеба. С полночи начался истинный ветер, который к утру сделался ветрищем. Соснув, как следовало, я встретил на рассвете прохладу и несказанно был утешен ею. Рако-чай. До двух часов перетрясали церковную библиотеку. К обеду явилась Якубова икра. Прощание с о. Дионисием. Внос книг в башню, вынос из башни. Сидение над Юдолию. Поверка списанного Синаксаря о чуде Архангела Гавриила, что в Дохиаре. Чай с купанием в поту и нелестное намерение заснуть.

Суббота, 8 июня

Ночью в церкви Святителя Николая был окрещен один эфиоп, присланный вчера из Патриархии. Слушал конец утрени и обедню. Затем шла работа в нижней библиотеке. Разбирали печатные книги. Много оказывается их из XVI в. Поспешили обедом, чтобы на вечерню сойти вниз. Ветерок. Террасное благополучие. Самовар. Работа чуть не до самой заутрени.

Воскресенье, 9 июня

Во сне видел, что ласкал девочку, — ту, у которой пьянствующая мать, и надел ей на шею ожерелье. Утреню и обедню то слышал, то нет. Такая непроходимая сонливость. Чай. Начали с компаньоном составлять каталог рукописной библиотеки монастыря. Уж не это ли и есть оное ожерелье? Трудились внизу до самой вечерни. Переписали книг с 50. Довольно для начала. После обеда спустились в другой раз в Юдоль, и гуляли по противоположной стороне ее, осматривая бывшие пещерные келии подвижников, скит Софии и таковый же преп. Иоанна Колонийского. Первый мне захотелось восстановить (ожерелье?...). На террасе чтение газет, а потом продолжение дневных работ.

Понедельник, 10 (июня)

Проспал и утреню и обедню. Внизу продолжали каталожное дело, прислушиваясь к каждому звуку в монастыре. Около часа пополудни прозвучал деревянный

---

[103] Иеромонах Русской Посольской церкви в Константинополе.

[104] Вероятно, имеется в виду статья архимандрита Антонина, подписанная псевдонимом «А. Солодянский» (т. е. Андрей с реки Солодянки): Письмо из Иерусалима // Северная Почта. СПб., 1868. № 94.

[105] Архимандрит Леонид (Кавелин) — настоятель Русской Посольской церкви в Константинополе. См. выше.

звон у башни. Решили, что это Осман с почтою. И точно, это был он. Письма московского впрочем по-прежнему не было. Зато Сарруф II утешил своими несчетными страницами. Обед. Вечерня с литией Варфоломея и Варнавы — двух монастырских именинников. Вечером там же и та же работа. Сотрудник мой начал жаловаться на какую-то недобрую болезнь.

Вторник, 11 ч(исло)

Спускался вниз к обедне. Потом обычным образом работали внизу до позевоты. Неофит[106] привез из города вести о том, что убит сербский князь Михаил, и что мы взяли Бухару, разбивши наголову Эмира. После обеда сидели и работали там же до самого огня, а потом перешли в свое жилище и не оставляли занятия своего, пока я прямо не заснул над рукописью.

Среда, 12 июня

Товарищ упорно жалуется на недуг, а потому я и присоветовал ему ехать в город, и проводил его туда. Работа пошла не в пример ленивее. А тут еще и глаз правый отказывается служить. Поправлял отупление его сном, и худо не добро работал до обеда. Возвратившийся Осман привез французскую почту, киноварь и другие вещи. Пот и пот! Дремство. Чай. Работишка малая и вялая. Сон уже в 12 часу.

Четверток, 13 (июня)

Проспал всякую службу. Иорданские пилигримы привезли святой воды; укрепивши оною зрение, работал над Eummikta[107], не выходя из комнаты. Несмотря на все мое усердие, дело подвигается медленно. А тут то и дело подносят из келий разные патерики без начала и конца, о которых не знаешь, что сказать и подумать. Добиваются от Герасима[108] заведомо взятых им рукописей, но напрасный труд! Бедовый старик. В поту и прении прошел целый день.

Пяток, 14 июня

Проспал и пророческую обедню, если таковая была[109]. По понедельникам и средопятницам тут идет порядок великопостный, только без великих поклонов. Читаются даже междочасия. Ходил в мастерскую о. Анфима[110], у которого вчера для Бетжальской школы приобрел икону Св. Саввы. Сидел в нижней библиотеке, а более дома. Так и день прошел бесцветно и безмятежно, но не беспотно. Вечером сличал и описывал Синаксари.

Суббота, 15 июня

Именины покойного дядюшки[111]. Обедня была у Св. Николая, по монастырскому уставу. Ради спасения глаз, занимался а архондарике. Около полудня возвратился желанный компаньон. Работа вдруг пошла ахиллесовыми шагами. Вечерню слушали сверху. Работали и при свечке.

---

[106] Неофит — инок Лавры Св. Саввы Освященного.

[107] Сборники смешанного содержания (греч.).

[108] Инок Лавры Св. Саввы Освященного.

[109] По случаю памяти св. пророка Елисея (празднуется 14 июня).

[110] Инок Лавры Св. Саввы Освященного.

[111] Преосвященный Иона (Капустин), епископ Екатеринбургский (1846—1859). Умер в 1866 г.

Воскресенье, 16 июня

Проснулся уже в конце утрени. Сошел вниз к обедне. Служил Папа-тасо, нацепивши на себя ипогонатий, чем и соблазнил смиренномудрого Вениамина нашего, близящегося быстрыми шагами к последнему пределу жизни. Чуть ли не повредил ему рыбий жир, присланный нашею заботою из города. Занимались с товарищем то дома, то внизу, а архимандрит наклеивал на книги билетики. Положили кончить все дела к пятнице Параскеви, сделался девизом нашей деятельности. Да уже и надоедать стало беспрерывное прение и потение.

Понедельник, 17 (июня)

После чаю ушли в башню, и занимались там все втроем с ревностью, достойною. Около полудня соседняя доска простучала весть о прибытии мусафира. «Осман», — сказали мы в один голос. Но взошедший наверх авва обратил в ничто наши поспешные заключения. Вместо Османа оказался яффский хаваджа, инорещи: Якуб. Парню надоело сидеть у отца-матери, и он прыгнул из Средиземного моря прямо в реку огненную. Вместо русской почты привез только письмо из Афин, в котором нас уведомляют, что Димитрий Михайлович[112] с 3-го числа сего месяца есть уже Дидактор, т. е. доктор прав! Страшно подумать. Поздравлял голубчика. Занимались до 3-х часов. Спустившись домой, обедали, а потом долго ночью ставили №№ на рукописях нижней библиотеки. И это окончательное дело идет тоже не быстро. А все-таки есть предел.

Вторник, 18 (июня)

О<тец> Вениамин объявил, что он не будет дожидаться «Четверга» и улизнет с первым ослом из сей пещи огненной. За то мы выжимаем из него последний сок. Просидели в башне до самой вечерни, и даже несколько долее. Жарко, да нечего делать. Обед готовил уже хаваджа, вознамерившийся посрамить прежнего магира, но куда ему! После обеда уже не поднимались наверх. Работали дома до упаду.

Среда, 19 июня

На место междочасий чуть ли сегодня не полиелей в монастыре ради именин о. Паисия[113] . Был я по сему случаю у обедни в церкви. Наскоро напившись чаю, отправились по обычаю в башню вдвоем, ибо изменник оный еще ночью во время заутрени утек на прохладу. Занимались насколько с ревностью, столько же и с позевотою. Нумерация книг доставляет впрочем некое развлечение в скучном деле ученого описания их. Прошли сегодня чуть не все богослужебные книги. Вечером дома пересматривали нумерацию книг. Вместо тетарти (среда) теперь уже слышится: параскеви (пятница), но никак не далее. Ибо уже и Осман с животными заказан на полдень в пятницу. Какое это благополучие будет — перестать потеть хотя на одну минуту. У бедняка Вениамина сегодня жар. Чуть ли это не чахоточный пароксизм.

Четверток, 20 (июня)

Доканчивали нумерацию книг внизу, что продолжалось до самого неожиданного прибытия Османа с подводами, т. е. до вечера. Спешный авва наш турнул его чуть не целым днем ранее надлежащего времени. Вчерашний зной умерился сегодня ветерком. У сотрудника возобновились нехорошие оные боли. Я еще раз рис-

---

[112] Мангель Димитрий Михайлович — адвокат в Афинах, духовный сын архимандрита Антонина.

[113] О. Паисий — иеромонах в Лавре Св. Саввы Освященного.

кую спать с открытыми окнами и даже дверью. Пароксизм оказался простым лихорадочным. Якуб надулся по поводу того, что никто не позаботился ему привести коня из Иерусалима. Больной при имени Иерусалима качает печально головой.

Пятница, 21 ч(исло)

Последние поты. Службы не слыхал. Впрочем по обычаю встали до солнышка. После чаю, отправились еще раз в нижнюю библиотеку. Покончив с нею совсем, закусили дома и поднялись в башню для последней работы. Трудились вплоть до 4-х часов, и таки с Божьей помощью покончили все. Всех пересмотренных и описанных рукописей оказалось 536, а с «Коридалеями»[114] и иными будет всего-навсего 648. Поблагодарив Бога, поставили все книги на место, заперли библиотеку и спустились в жилище свое, где уже нас ожидал самовар. Сходили, простились с нижней библиотекой, выпили по чаю на террасе, передали ключи от книжниц о. Анфиму и простились с гостеприимным кровом обители и с братством ее, при звоне всех колоколов великих и малых. Было около 7 часов, когда мы двинулись в путь. Радующая прохлада неслась нам навстречу с каждой высшей точки дороги, а перед Иерусалимом она превратилась в сырой и холодный ветер. Прибыли восвояси в половине 11-го часа. А. Е-ч[115] с почтою ожидал меня уже более 2-х часов. Немедленно последовала баня, смывшая с меня слои потной грязи: какое счастье, подумаешь, заснуть на прохладе! Почта не содержит ничего знаменательного.

4. О приобретении участка в Хевроне

Суббота, 2 ноября

Обедня. Послушник Георгиевскго монастыря с артом. М. Магдалина, приглашающая завтра ехать в Бетжалу на праздник ее новоселья. Кропание статьи[116], которой и конец сегодня воспоследует. M-r W. По случаю адмиральского часа. Приношение охотника, он же и Первелис. Обед. Вожделенное возвращение от Дуба нашего сих дел мастера Якуба (стихи). Дело хотя еще и не кончено, но идет успешно, и Бог даст, Мамврийский Дуб будет наш, т. е. русский. Всенощная. Рассуждение о Дубе и о наполеонах, которых потребуется целых 300. Чтение. Зевание и видимое отхождение в тот мир.

Воскресенье, 3 ч(исло)

Набег сновидений ни с чем несообразных. Хотел было уйти на праздник в Георгиевский монастырь, да усрамился поста своего. И сегодня не видел Меркурия. Небо было немножко облачно, впрочем. Литургия. Чай с гостями. Консул не едет в Бетжалу. Ergo и я. Ибо ради его милости и вся эта история сочинена. Малый дождь. Человек Божий Иоасаф[117]. Koniglich privilegliche Berlinische Zeitung. Однако же обед своим порядком. Матфей Никифоров[118] и Герасим Протопапа[119] и плач над Критом по сему случаю. А тут и вечер. Дети. Переписка статьи. Сие и ...

---

[114] На полях поставлен «?».

[115] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[116] Очевидно, имеется в виду статья архимандрита Антонина: Дуб Мамврийский (Письмо к редактору) // Всемирная иллюстрация. СПб., 1869. № 42.

[117] Греческий паломник.

[118] Никифоров Матфей — паломник.

[119] Преподаватель училища в Крестном монастыре, впоследствии Патриарх Антиохийский и затем Иерусалимский.

Понедельник, 4 (ноября)

Авве Саратовскому[120] многолетие. Во сне кто-то рассказывал (Гагарин[121] как будто) шлется послом к неизвестному царю в неизвестное государство. Вероятно, что-нибудь новое принесет сегодняшняя почта. Меркурия, разумеется, нет на небе. «Sirius», видно, заврался немножко. Молитва. Чай. Консул с вестью, что он едет на неделю в Константинополь.... Иоасаф, бетсахурский батюшка. Муса Бетжальский. Snaps. Почты все еще нет. 3 $^1/_2$ часа.

Вторник, 5 ноября

Якуб и вместе с Османом, отправились опять в Хеврон. Мы остались одни с Ханной[122]. После вздумал было переписывать статью, да оказалось нужным порыться наперед в Acta Sanctorum. Тем временем А. Е-ч[123] принес почту. 6 писем и одно повеление прижать еще раз несчастного Каллистрата[124]. Журналы, газеты и проч. Ходил к консулу, сидел у канцлера, который представлен к переводу в Константинополь на драгоманский пост при консульстве. Весьма нехорошо это. То же занятие. Обед. Вечерня, угощение детей чаем. Чтение газет новых. Позевота.

Среда, 6 ноября

Не придется служить ночью сегодня на Господнем Гробе. А кто виноват в том? Занимался весь день перепискою статьи. Сколько ни думал улизнуть куда-нибудь на весь завтрашний день, ничего не придумал. Благо впрочем, что никто не знает о высокоторжественности онаго. Вечером сидел и ловил рыбу в Мертвом море «хитры-ы-й» Жорж. А в Хевроне что-то деется?

Четверток, 7 ноября[125]

23 года моему монашеству и вместе тезоименитство. Встал со светом и отправился в Гефсиманию. Здесь выслушал параклис и литургию и приложился к гробу Божией Матери. Ходил на место моления Христова, прошелся по Масличному саду. Какие все места! Еще, через 23 года вперед, празднуя где-нибудь на сугробах снега свои именины и перечитывая сии строки, сколько пролью слез над ними! Возвратился домой городом. Заходил в храм Воскресения, и обошел там все святые места. Небольшой дождь смочил землю. Дома чай. Сарруф. Переписка. Обед. Всенощная в бархатных ризах[126]. В Михайловский монастырь никто не пригласил служить. Никаких известий от Якуба.

Пятница, 8 ноября

Служение с молебном. Ожидание малых. Визит малейшему из именинников, таковый же — старейшему. Угощение детей-сироток чаем. Визит третьему имениннику. Мать Мария (кажется) Саратовская. Четки ихнему архиерею. Выход навстре-

---

[120] Преосвященный Иоанникий (Руднев), епископ Саратовский, впоследствии митрополит Московский и Киевский.

[121] Гагарин Лев Григорьевич — первый секретарь Русской миссии в Афинах.

[122] Повар Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[123] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[124] Архиепископ Синайский.

[125] Фраза в оригинале выделена киноварью. 7 ноября 1845 г. Андрей Иванович Капустин пострижен в монашество с именем Антонин, в честь Антонина, мученика Анкирского, празднуемого в этот день.

[126] Имеется в виду Патриаршее богослужение по случаю Михайлова дня.

чу Патриарху. Ожидание его у второй башни, длившееся часа полтора. Отличнейшая погода. Бесстыдный феллах с скверными русскими словами и сквернейшими телодвижениями. Некому вас научить уму разуму бедняков. Здорованье с Его Блаженством, прибывшим по обычаю верхом на своем сивке, а не в фуре. Возвращение восвояси. Конец утрени. Обед. Чай с детьми. Переписка. Во сне видел давеча, что получил (от консула) много пакетов, и все были... тряпки. Думал, что Якуб привезет разные бумаги, но сего не случилось. Вообще, сны давно уже совсем изоврались.

Суббота, 9 н(оября)

Во сне вместо многих и плохих бумаг, кто-то вручил мне большую белую и чистую одну бумагу... Обедня. Чай. Прибытие хевронцев с хидже в руках... мамврийский дуб принадлежит России![127] С чем и поздравляемся. Писаная цена ему 143 наполеондора, а неписанная дойдет может быть и до 200. Приобрели пока только оба дуба и принадлежащую им землю. Ключ выгораживается из нашего владения. Всей земли будет около 1/3 того количества, какое занимают наши здешние постройки. Довольно! Торжеству конца не было[128]. Известил о радостном событии своих. Приготовление почты. Всенощная. Баня.

10 ч(исло)

Служение. Приготовление почты до самых 4-х часов. Прошу архимандритов трех Лавр русских помочь во имя Троицы чем-нибудь Дубу. Истомление полное. Обед. Чтение. Гулянье на верху. Чудный вид облаков. Еще чтение и...

Понедельник, 11 н(оября)

Помолившись Богу, отправился к Патриарху и как бы ненароком залучил от него благословение своему Мамврийскому делу. Дома редкое явление — бетжальская Директриса[129]. Чай. Отправление с консулом к губернатору. Опасливый человек просил нас на купленном месте ничего пока не строить, ни даже ограды не ставить, даже деревянной каливы[130] не перевозить туда, а прежде испросить через посольство у турецкого правительства дозволения... и прочие безумные глаголы. Раскаиваюсь, что решился действовать перед ними напрямик и начистоту. Досадно было, да нечего делать! Возвратившись домой, виделся с о. Вениамином и другими, сорадующимися мне о Дубе. Немецкие газеты. Переписка. Обед. Чтение. Вечером сидение у консула со иным братством. Дома сборы.

Вторник, 12 ч(исло)

От мысли, что нужно вставать в 2 часа не заснул ни на одну секунду. В три часа ночи выехали 6 всадников из построек, и через три часа на рассвете достигли Соломоновых прудов, а еще через три часа были уже в Бет суре у доброй воды. К 10 часам достигли *своего* Дуба. Места *нашего* оказалось видимо-невидимо. Ибра-

---

[127] В оригинале слова «принадлежит России» выделены киноварью.

[128] «От очевидцев пришлось слышать о встрече его (Якуба) с о. Антонином в Иерусалиме. О. архимандрит ожидал приехавшего Халеби у входа в зал на лестницу в здании Миссии. Как только Яков Егорович увидел еще снизу фигуру о. Антонина, он радостно взбежал на лестницу, помахивая кушаном и крича: «Дуб — русский, дуб — русский!» О. Антонин широко раскрыл ему свои объятия и, радостно обняв его, расцеловал». [Архимандрит Киприан (Керн). О. Антонин Капустин. Архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. (1817—1894 г.г.). М., 1997. С. 168].

[129] Бодрова Елизавета Федоровна. См. выше.

[130] Келлия.

гим Эфенди. Закусывание 1-е. Обзор границ нашего владения. Закусывание 2-е или чай. Гулянье по виноградникам. Лежание на полянке и собирание мамврийских желудей. 3-е закусывание. 30 златниц (из коих 5 русские) переходят из кармана в мешок. Собираемся домой. Прощай, заветное: мамвра! В 3 без 1/4 едем. Addio, Ибрагим Эфенди![131] В 4 часа, после 5 кругозоров, достигли воды, а в 5 $^1/_4$ поравнялись с развалинами. Только часам к 7 увидели Хавузы Соломоновы, а 8 прибыли в Бетжалу. Отогревшись, немедленно предались вожделеннейшему сну мертвецкому.

5. Поездка на Синай. Работа над каталогом рукописей Синайского монастыря (1870 г.)

Суббота, 1 авг(уста) 1870 г.

Выспавшись вчера днем на судне, рано проснулся. Любовался туманными очертаниями высоких гор, ища между ними Синая. О. Пантелеимон указал мне его. Снял карандашом ту часть великолепной панорамы, на которую указали. После восхода солнца гулял по берегу, собирая раковины и камешки причудливого моря. Дошел до бывшей крепости или Тора (Tour?). По возвращении нашел уже опустошенным ночлег свой. У епитропа Костанди[132] — дяди нашего Ханны — в доме пили чай и покупали разные морские диковинки. Затем обозревали Раифу, ее церковь увыйную и поклоннический приют неописуемой жалости. В ожидании обеда прохлаждались с шутником в тени палатки. Обедали и продолжали закупать произведения Понта Чермного. Меж тем привели десятка четыре верблюдов. При виде их упало сердце. Как это я поеду на таком чудовище? Часа два орава шумела и вопила. Наконец животных навьючили и пришло время садиться... Оказалось, что у страха глаза велики. Ничего! Сел себе и поехал, как быть следует. Произошло же событие в 2 часа по полудни. Приятно было оставить позади себя мизерную Раифу. Дул слева жгучий ветер. Через час пути остановились у одного пальмового сада и Бог весть зачем простояли тут часа два. Вторично шум и гам оравы. Уже на закате солнца удалось кое-как выбраться на путь-дорогу. Ехали 2 часа и, по восходе луны, свернувши с дороги влево, расположились в чистом поле ночевать. Якуб немедленно приготовил чай и пр.

Воскресение, 2. авг(уста)

Во сне сдавал экзамен. Попался легкий билет о Каине и Авеле. Кончив его, я вздумал еще продолжить что-то, но уже не так удачно. Дело кончилось тем, что экзаменатор послал ко мне двух геркулесов, которые, взяв меня за шею, хотели сбросить откуда-то куда-то. Как бы не пришлось сегодня слететь с верблюда. Встали в 2 часа ночи и в 3 отправились дальше. Аббасова дорога прямою стрелою идет к горам. Надоела она нам. На восходе солнца мы достигли гор и въехали в юдоль Гебрань. Камни с надписями. Горы высокие грязного цвета. Камни-и! Незаметный подъем. Давно невиданные кустики, наконец и пальмы, а при них и вода. Зигзаги без конца. Пешешествуем. Снова качаемся на уроде. В 8 ч. отдыхаем в тени пальмы, едим финики и пьем чай, снимаемся с якоря в 11 часов. Пальмы исчезают. Горы по бокам выше и выше, суше и суше. В полдень опять показались пальмы. Остановка ради воды. Падение Кир Николы. Через полчаса показалась впереди гора двуверхая, рисованная в Раифе. Значит, близко уже Синай. На час она скры-

[131] Ибрагим Шаллуди — прежний владелец участка, приобретенного архимандритом Антонином.

[132] Костанди — эпитроп Синайского монастыря в Раифе, дядя Ханны — повара Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

лась, а мы продолжали зигзажничать. Она снова явилась с столповидным приростом от востока, а мы вместо прямой дороги взяли налево и потащились по узкой и скучной другой некоей юдоли, обставленной теми же грязными кряжами и какими-то земляными стенами при самой дороге. Скоро мы вошли в каменистое ущелье и опять слезли с верблюдов. Начался переход из долины Хебранской в Славскую (Славянскую?). Лезем в бесконечную высоту и, озираясь, видим позади себя багровые высочайшие кряжи горные, которые, видимо, стараемся объехать. На переносье открылся впереди нас громаднейший Зербал. Спускаемся в новую юдоль, тоже пешие. Длится эта история до самого заката солнца. Наконец improbus labor omnia vicit и мы расположились ночевать на широком ложе Славской долины, посреди манных кустов. Утомление общее. Подкрепились чаем и иным кое-чем. Впереди высокою стеною стоят зубчатые кряжи, которые синаиты назвали уже своими.

Понедельник, 3 авг(уста)

Встали в половине второго и через час оставили ночлег свой. Может быть, около часу ехали широкою долиною, потом опять пустились в зигзаги и только к рассвету выбрались опять на широкое поле, заслоняемое с юго-востока высочайшею стеною гор. Оставив восточное направление, мы взяли на юг, имея справа гору пятиглавую, а слева оную стену с выемкой посередине в виде ворот, обставленных по сторонам башнями, из коих на одной видится 1, а на другой 7. Отец дикей[133] нам сказал, что до монастыря только 3 часа. Решились, не останавливаясь, продолжать путь. Добрались до ущелья, забросанного каменными глыбами, и пошли пешие по проложенной синаитами дороге. Тешились свержением в пропасть камней и изумевали перед поражающим величием вылитых из гранита стремнин. Ехали ущельем часа два и у дикой смоковницы подкрепились водой и водочкой. Горы несколько раздвинулись, земля стала мягче. Взобравшись на одну возвышенность, мы увидели, наконец, *хорив* и на восточной подошве его Синайский монастырь. Тащились до него еще около часу времени. Последовали со стен обители пушечные выстрелы. Мы сошли с верблюдов, кое-как приукрасились и вскоре встречены были всем братством обители. Священники были в облачениях. С пением вошли в монастырь и прямо направились в церковь. Там отправлена была лития, после чего нас повели по худящим лестницам в гостиничные покои. Последовало угощение вареньем, водкою и чаем. Было 10 часов утра. Слава Богу, донесшему нас благополучно до цели нашего странствования. Отдохнувши, обедали, потом были у вечерни, после которой поклонились месту *неопалимой купины*, посетили Настоятельские комнаты и Успенскую церковь, а затем и библиотеку, и дивились на златописанное «Феодосиево» Евангелие. Кончили обзор свой посещением о. скевофилака и кавалера Анны 2-й степени иеромонаха Григория. Это было уже в сумерках. Дома пили чай, вели беседы и приготовлялись к завтрашнему восхождению на Синай и на гору св. Екатерины. Экскурсия продолжится без малого два дня.

Вторник, 4 авг(уста)

Встали на рассвете. После долгих сборов, взяли батожки в руки и вышли за монастырь. С нами пятерыми (у Сарруфа недуг) отправились дикей, Николаки, два монаха и трое улядов, несших на спинах своих наш багаж и пр. Через полчаса пути дошли до воды цангаря (сапожника), где выслушали его предивную историю. Еще 1/4 часа и мы остановились у церкви Богоматери Икономовой. Вторая

[133] Дикей — выборная монастырская должность, наместник игумена монастыря — Архиепископа Синайского и Раифского, пребывавшего в XIX в. преимущественно в Каире. В описываемое время синайским дикеем был иеромонах Корнилий (†1894).

дивная история. Еше мало и мы минули первые ворота, называемые Исповедническими. Через 3/4 часа другие ворота. Показался на высоте радующий кипарис. Мы вышли на большую площадь, обставленную вокруг голыми и несчетными скалами. Место напомнило один из лунных кратеров. Малый садик, и возле него церковь св. пророков Илии и Елисея над сугубою пещерою. Не заходя в нее, мы потянулись на одну из скал к югу, вышедшую мысом на площадь. Дорога стала несравненно круче. Я поминутно отдыхал. Не менее как через полчаса мы достигли, наконец, горной церкви Преображения. Это было на вершине *синая*. В церкви готовилась Божественная служба. Служил один иеромонах. Пели и читали мы. Да приемлет Бог Синаин, велий и страшный и хвальный зело, возсылаемую ему хвалу, как жертву! После обедни обозревали пречудную и престранную панораму игловидных гор полуострова, снова напомнившую мне пустые и безжизненные горы Луны. Подкрепившись чаем и финиками и благодаря Господа, спустились к кипарису, но не доходя до него, направились по площади диагонально на запад, прошли мимо кельи-пещеры Преподобного Стефана, перевалились за скалу и стали спускаться по крутому откосу в юдоль Леджа. Карабкались, кто как мог. Было, пожалуй, и опасно. Я ушел вперед и благополучно достиг монастырского сада, чтимого именем 40 мучеников. Под тению большой орешины (саждение Иоасафа Филадельфийского) мы принялись отдыхать, пережидая полуденный жар, и в сладость соснули. Потом кое-что закусили, и, осмотрев все заведение, отправились домой, не решившись идти на гору Святой Великомученицы Екатерины, которая тут уже приняла название Леджи или Арбаим. Ущелье между нею и Хоривом напомнило нам вчерашнее оное. Впрочем, почти беспрерывно тянутся садики монастырские по ней над потоком воды до самого выхода на площадь Раха. По пути видели мнимый «камень пререкания» и, обогнувши всю северную подошву Хорива, добрались уже на закате солнца мирной обители, выслушав предание о золотом тельце, разбитых скрижалях и холме Скинии Свидения. Дома отдых и ужин с чаем.

Среда, 5 авг(уста)

Во сне какая-то мать и какая-то дочь девочка с ненужными ласками. Ходил к утрене. Опять спал. Трясение в ногах и боль в бедрах. Чай. Чтение. Беседы. Отец дикей с приглашением на завтрашнюю службу. Обед. Сон. Праздничная вечерня с благословением хлебов и винограда. Вкушение перед вратами церкви от тех и другого. Возвращение неустрашимого Василья из путешествия на гору Св. Екатерины. Ходил один с мальчиком-арабом. Кир Феодор продолжает болеть. Я читаю о. Порфирия. Видели обе библиотеки и многие параклисы.

Четверток, 6 авг(уста)

Храмовый праздник обители. Утреня началась во 2-м часу ночи. Несколько рассеяло скуку и дремоту пение второго псалма Полиелея. После Великого Славословия я сошел в придел Купины и рассматривал все его достопримечательности. Литургию служил о. Архимандрит Филарет[134] с дикеем, о. Анатолием[135] и двумя иеромонахами. После обедни заходили на чай к скевофилаку[136] на кофе к Иконому

---

[134] Архимандрит Филарет (Филаретов; 1824—1882) — ректор Киевской Духовной Академии; с 28 июля 1874 г. — епископ Уманский, викарий Киевской епархии; с 31 декабря 1877 г. — епископ Рижский и Митавский. Известен научными трудами по библеистике и церковной истории.

[135] О. Анатолий — иеромонах, член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме до декабря 1870 г.

[136] Скевофилак (правильнее скевофилакс, «ризничий»), иконом (эконом) и дикей (см. выше) — главные административные лица в обители.

и на поглядение в Дикееву квартиру. Дома отдых. Потом обед в трапезе братской. Ожидание верблюдов, писание эпистолии к Киевскому Владыке[137]. Вечерня. Чай. Беседы. Письмо к здешнему Деспоту[138].

Пятница, 7 ч(исла)

Во сне целовался с самой высокой на свете личностью и жаловался ей на кривую и бестактную политику России, вследствие которой мы объявили войну чехам и постыдно победили их. У заутрени и обедни не был. После чаю у соседа сборы, а у меня письмоводство. 3 верблюда. Двухчасовые сборы. Когда извещено было, что все готово, мы спустились в церковь. Отъезжающий гость[139] приложился к мощам Великомученицы и поклонился месту Купины и глубоко тронутый простился братски со мною. Мы провожали его всем обществом далеко за монастырь. Бог да будет присным помощником его во всяком деле блазе! Возвратившись в келью, я еще следил за ним трубою полчаса времени. Отдохнув, обедал, занимался чтением и просидел в библиотеке часа два, ознакамливаясь с ее сокровищами. Насчитал 33 Евангелия древнего письма. Вечером чай и чтение, и сие писание.

Суббота, 8 ч(исла)

Ходил к утрене и к обедне, которая правилась в приделе Купины. За чаем кончил переговоры с дикеем и скевофилаком о каталоге и сейчас же отправился в библиотеку, где просидел до часу с Николаем и псалтом Афанасием, рассматривая октатевх и профитологи. То же повторилось и после вечерни. Каталог, таким образом, благополучно начался.

Воскресение, 9 ч(исла)

Простоял утреню до Канона. Дома спал. Был на обедне. После чаю засели опять книжники в библиотеку и продолжали переписывать Псалтыри. Тем же самым занимались и после обеда, и к закату солнечному кое-как покончили отдел Псалтырный. Не перенося духоты, я двукратно мочил в библиотеке голову холодной водою и простудился. Теперь она болит и лопается. Давече видел во сне, что возобновляется прекрасный дом как бы в Цареграде, в котором будут жить Посол[140], о. Филарет и я. На душе было весело от сего. Кстати виделось и Буюкдере[141].

Понедельник, 10 ч(исла)

На ночь затворил окна и тем поправил несколько голову. Сновидения продолжаются. Сегодня получаю пакет Синодальный. Приказывают ехать в Америку непременно. Нечего делать. Стал собираться[142]. После чаю занятие в Панагии. После

---

[137] Имеется в виду митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Москвин; 1796—1876; на Киевской кафедре с 1860 г.).

[138] Здешний Деспот (т. е. Владыка) — Архиепископ Синайский и Раифский Каллистрат III (1867—1885).

[139] Архимандрит Филарет.

[140] Российский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев — друг и покровитель архимандрита Антонина. Игнатьев (а как видно из записи, и сам отец Антонин) еще надеялся на возвращение последнего в Константинополь, на пост настоятеля Посольской церкви.

[141] Буюкдере — загородная резиденция российского посольства в Константинополе.

[142] 29 марта 1870 г. архимандрит Антонин получил телеграмму из Святейшего Синода о предполагаемом назначении его епископом Алеутским и Аляскинским, но отказался — формально по состоянию здоровья. См. дневник за 29 марта 1870 г.: «Потомок! Можешь представить мое озлобление! En Amerique!!! Это ведь подалее Камчатки, которою я когда-то пугал Маменьку, желавшую видеть меня Владыкой».

обеда в верхней библиотеке. Помогал Фед. Спир.[143]. Проработали до сумерек и все-таки Евангелий не покончили. Вижу, что дело затянется, и о возвращении в Иерусалим к Царскому празднику не надо и думать[144]. Горло болит, но голова свободна.

Сходил к утрене. Заснув потом, пел на каком-то богослужении: «плачу и рыдаю». Иерусалимская Катерина. Московский поклонник и др. разности. Переписывали Евангелия до часу. А с 3-х до вечера занимались ими же в Панагии. Рассмотрели и Феодосиево золотое Евангелие. Вечером чай и рассматривание двух старых, из прошлого 1000-летия, Синаксарей до полночи. Надобно передать их к общему сведению.

Среда, 12 авг(уста) 1870 г.[145]

54-й год. Недаром вчера и третьего дня крошился зуб. Старость незаметно подходит, а с ней и много других гостей... Проспал утреню. После чаю переписывали в библиотеке Праксапостолов и кончили их к чаю. В 3 я снова отправился туда же, но около часа дожидался молодежи и обошел крытыми ходами монастырь с двух сторон — с севера и востока. В библиотеке прежде всего случайно напал на житие Св. Николая Младшего, к сожалению, еще раз не конченного. Рад был находке безмерно. Занятие шло плохо. Переписали 5-6 часословов и только. Чай. Беседы об Ибрагим-паше[146]. Перевод оных синаксарей.

Четверток, 13 ч(исла)

Лег спать в 1-м часу. Чуть задремал, открылся кашель, мучивший меня более часу. Во сне видел любезного родителя, уговаривавшего меня возвратиться в мир. После чаю работа в библиотеке. Кончив, пересмотрел славянские рукописи. Их 13 на коре и 20 на бумаге. После обеда нас ввели в третью библиотеку, переполненную рукописями. Я растерялся при таком зрелище. Греческие, арабские, грузинские, сирианские, коптские, абиссинские и м. б. даже армянские. Есть одна глаголическая книжка. Видел Косму Индоплавателя, папирус грузинский и пр., и пр. Ай да Синай!

Пяток, 14 авг(уста)

Ради предпразднства был у заутрени. Потом до 2-х почти часов сидели в Панагии, занимаясь разбором вновь открытых книг. Экое несравненное старье! После обеда следовала вечерня с литией и сидением перед церковию. Потом еще просидели над книгами около 3-х часов. Ночью писали старый минолог. Ожидал, что предложат служить завтра, но сего не случилось. Дощечка папирусная тоже, вопреки изъявленной на нее претензии, осталась на низу...

Суббота, 15 авг(уста)

Был у заутрени. Обедню стоял у Неопалимой Купины. У скевофилака пили чай и разговелись молоком. Потом до часу и более сидели в Панагии, описывая Еван-

---

[143] Фед. Спир. — Сарруф Федор Спиридонович, драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, преподаватель арабского языка в Крестном училище.

[144] Царский праздник — перенесение мощей святого Александра Невского (30 августа), день тезоименитства императора Александра II.

[145] Дата — день рождения архимандрита Антонина — выделена в рукописи киноварью. Отец Антонин родился 12 августа 1817 года.

[146] Ибрагим-паша (1789—1848) — вице-король Египта, приемный сын Мохаммеда Али, выдающийся военачальник и флотоводец. Завоеватель и правитель (в 1831—1840 гг.) Сирии и Палестины.

гелия и Тетраевангелия. Люди пошли к вечерне, а мы опять присели к книгам. В том и день прошел. Ночью разбирал вновь найденные листы палимпсеста Евангелия IV или V века. Жаль, что их немного.

Воскресенье, 16 ч(исла)

Чуть лег спать, поднялся кашель, терзавший меня с полчаса. У утрени не был. После обеда и после чаю занимались в Панагии, считая Псалтыри стародавние. Любо смотреть на них. То же и после обеда. Часам к 5-ти кончили псалтырное море. Остальное время разбирали листы Минейные. Дома чай и перевод.

Понедельник, 17 (августа)

... Пил чай и отправился в Панагию на работу. Отыскалось еще несколько Псалтырей, Профитологов и запоздалых Евангелий, за ними просидели все до обеда. После обеда переписывали Часословы. Дома вечером продолжал переводить старый Канонарь[147].

Вторник, 18 ч(исла)

Та же история. Утром перенесли из библиотеки в Панагию все минеи, октоихи, триоди, анфологии и пр., разобрали их и разметили по родам и видам. Учинив это, приступили к пересмотру миней. Работа не оказалась такою хлопотною, какою представлялась прежде. Тем же делом занимались и после до вечера и даже ночью при огне. В келье я разбирал разрозненные листы минейные и, кончив это, с жадностию кинулся на захваченные с ними тетради житийника XI века, содержащие в себе «Житие и воспитание, и чудеса Преподобного Николая, Епископа Мирликийского». Оказывается значительная разница его с Ватиканским. Святитель посвящен в епископа (умолчано: Пинарского) с преемничеством на Мирскую кафедру и пр. Просидел за этим делом до двух часов за полночь[148].

Среда, 19 августа

От впечатлений долго не мог заснуть, а потом хотя и слышал колотанье к утрене, не мог уже встать. Зато сходил на свету к обедне, совершавшейся в нижней церкви Панагии. После чаю занимались по обычаю перепискою рукописей. Работа шла вяло. Мне зевалось. Также и после обеда она шла получше. Впрочем, покончили с минеями и перешли к анфологиям. Чуть пришел домой, лег спать. После чаю переводил канонарь опять за полночь.

Четверток, 20 ч(исло)

Выспался вдоволь. Высматривал с террасы ожидаемый халиб. После чаю, направился по знакомой дорожке. Скоро разделались мы с немногими анфологиями и выплыли в море разных и разнообразных аколуфий, измучивших нас в течение 4-х или 5 часов. К утешению нашему скевофилакс отрыл где-то еще целый зимбил кожаных тетрадей и листов. В восторг пришел я от сего зрелища, но, увы, продолжения жития оного не нашел. Обедали уже в 3-м часу. Соснув, снова занимались тою же работою и почти кончили бедовые аколуфии. Сидели часов до 8. Дома чай и писание под диктовку жития оного. Даскал[149] взялся во что бы то ни стало списать его. О, если бы попал в руки столь искомый «не подчищенный» конец его! Ведь с чего-нибудь списывал же в XI веке оное неизвестный трудолюбец. Посмот-

---

[147] См.: Архимандрит Антонин. Древний канонарь Синайской библеотеки // Труды Киевской Духовной Академии. 1874. № 5. С. 189—216; № 6. С. 458—497.

[148] См.: Архимандрит Антонин. Еще о Святителе Николае Мирликийском // Труды Киевской Духовной Академии. 1873. № 12. С. 241—288.

[149] Николай (в иночестве Никандр) — даскал, позже монах Синайского монастыря.

рим, подождем. Уже не раз случалось со мною, что на ловца и зверь бежал. В послеобеденном сне виделось что-то грустное, батуринское[150]. Родитель рисовался в трогательных и величественных чертах.

Пяток, 21 авг(уста)

То же самое занятие в те же часы. Переписываем анфологии и разные службы. После обеда иконом угощал нас лукумьем и кофе. Истомила меня сегодняшняя работа. Возвратившись домой, разбирал несчастные листы бедствующего Тропология, т. е. Цветной Триоди. За чаем получил письмо от праведного Филарета из Суеца, доставленное возвратившимся Евстратием[151]. Чтение газет и жаление о стольких тысячах погибших[152]. Переписка жития за полночь.

Суббота, 22 ч(исло)

Спим до пресыщения. Видим во сне разные штуки в образе старых букв и пр. После чаю, по обычаю отправляемся в Панагию. Несмотря на нездоровье Кир Николая, удалось пересмотреть десятка два параклитик, из коих самую старую взял с собой в келию для особенного исследования. К обеду иконом прислал винограду, что здесь в пустыне надо считать редкостию. Со вчерашнего дня пьем кипрскую «Командерию», тоже от монастыря. Вообще, процветаем. То же занятие с 4-х по 8 часов. Сегодня было-таки не шутя жарко. Ветру совсем нет. Переписываем с даскалом житие. Кашелек.

Воскресение, 23 авг(уста)

... Пришел в церковь. Кашель поминутный. Хочу принять регалю капель 5. Действительно, перед чаем принял. До часу сидели в Панагии за своею бесконечною работою. После обеда, под предлогом писания писем, «не ходили в класс». Я же действительно написал и отправил к иконому два письма в Иерусалим и в Москву. Завтра отправляются калогиры в Каир. Вечером чай и переписка жития.

Понедельник, 24 (августа)

Еще вчера вечером находил всякий род сидения неудобным. Сегодня встал утром с дисурией. Это навеяло на меня тоску. Впрочем, пил чай и занимался обычным делом по-прежнему. На обед взял с собою сгнившие клочья старого уставного письма и разбирал их. Обедал с насилием себе. Впрочем, часа два проработал в Панагии. Возвратился домой еще засветло, не имея духа заниматься более. С полчаса лежал у окна и почувствовал позыв... вышел на галерею, но тут меня скрючило. Возвратился в келью, уже схватившись за бока и чуть не вопя. Повторилась памятная история. Метался по сей комнате с стоном и воем, ища спасения от обышедшей беды. Весь желудок и правый бок болели страшно. Якуб (благослови и спаси его Господь!) принялся тереть больное место спиртом, мазать маслом от лампады с Великомученицы, ставить пиявки, жечь кирпичем. Ничего не помогало[153]. Так провел в ужасных страданиях напролет всю ночь.

Вторник, 25 (августа)

Около полночи принял три Моррисоновых пилюли. Последствия никакого не оказали. С полночи истомленный Якуб сдал меня на руки Ф. Сп.[154]. На рассвете

---

[150] Батурина — родное село архимандрита Антонина (Пермская область).

[151] Евстратий — синайский монах.

[152] Имеются в виду события франко-прусской войны 1870 г.

[153] Архимандрит Антонин страдал каменной болезнью.

[154] Сарруф Федор Спиридонович. См. выше.

боль ушла из желудка в бок и можно было говорить. Принял касторова масла и с солнышком немного ободрился духом. Симптомы, правда, похожи, но не те же. Слава Богу. Визиты дикея, скефолака и иконома. Вчера потеряли совсем голову. С действием чистительного стал поправляться и спал целый день. Вечером кой-чего поел, и уже мог диктовать своему борзописцу житие.

Среда, 26 авг(уста)

Встал с постели, хотя и слаб, но без всякой боли. Дисурийное ощущение впрочем продолжается. На общем совете порешили, не теряя даром времени, продолжить наше занятие. Ко мне в комнату притащили целый ворох старья и мы с Николаем принялись за старое дело, как бы и ничего не случилось. Благодарение Господу, еще раз помиловавшему меня! Обедал в обрез. Вообще стал бояться своего любезного врага, т. е. брюха, как огня. Занятие шло и после обеда и даже весьма успешно. Переписали около 50 книг. К вечеру приехал из Раифы о. Поликарп[155], закупавший хлеб в Верхнем Египте. Хлеб стоил 500 наполеондоров. А где их взять? — говорят невеселые отцы.

Четверток, 27 авг(уста)

Во сне спасал Александра I-го от каких-то заговорщиков. Доктор Якуб не позволяет пить с чаем молоко. Что с ним будешь делать? Утром переписывали Литургийные свертки в числе 23-х. После обеда разные филлады. По временам поднимается такой ветер, что грозит совсем снести дом наш. В воскресенье на небе были облака. Вообще, видно, приближается осень.

Пятница, 28 ч(исла)

Думал начать сегодня работу с Типиков, а из библиотеки принесли еще целую кучу литургий. Просидели за ними до обеда. К вечерне я не пошел, боясь вспотеть в малой церкви Предтечевой и простудиться. К 9 часам вечера все-таки переписали 8 номеров Типика, т. е. Устава. После чаю продолжали переписывать житие, что длилось за полночь. Как уже хочется возвратиться в свой дорогой Иерусалим! Все воображаю, что сижу в Лавре Святого Саввы и через три часа пути буду у себя в доме. Эх, когда бы так! ..

Суббота, 29 авг(уста)

Слышал все звоны, при каждом собирался встать, и все спал да спал. Впрочем, у обедни был. Правилась она у Неопалимой Купины ради субботы. Получил приглашение служить завтра. После чаю, с Николой кончили типики и отправились в библиотеку за панигириками. Завалили ими целый угол моей комнаты, но до них не добрались в течение дня. Нашлось для работы еще штук с 20 мелочи. Всех рукописей в библиотеке и в Панагии остается около 260. Ходил к вечерне, после которой, ради Царского дня, была Лития с хлеболомлением. Кончили к потемкам аколуфии и больше уже не занимались до сей самой минуты. Что-то пощипывает изредка в спине. Оно... оно все это выкидывает штуки, злокозненное брюхо!

Воскресение, 30 авг(уста)

Во сне какая-то желтенькая птичка носилась предо мною. Два раза я ловил ее и прижимал к груди своей. Знамение вестей. В 3-м часу началась утреня. По окончании ея, мы впятером служили Бож. Литургию, а после нея и молебен. Домой шли с пением, при звоне колоколов. У меня происходило угощение братства. Хотелось соснуть потом, но не удалось. В 9 $^1/_2$ отправились парадно в трапезу. Обед состоял из

[155] О. Поликарп — синайский монах.

двух блюд с абрикосами и арбузом. Отец дикей произнес рацею перед вкушением вина. Раздались звуки колоколов и пушечные выстрелы... славно. После стола певцы пропели еще самохвалебный гимн Архиепископу и наичестнейшим из братий. У скевофилака пили потом кофе. Иконом принес пачку писем и газет, доставленных приезжими французами. С жадностию кинулся люд наш на новости. Последние известия от 22 Августа. Французы ни разу не одержали победы. Истребление людей страшное. У победителей уже выбыло из строя 200000 человек! Базен совсем отрезан от Парижа. Немцы уже в 20 милях от столицы. Парижане уже сожгли Булонский лес. О Наполеоне ни слуху, ни духу. Маленький Наполеон отправлен в Англию, а Плон-Плон[156] удрал в Италию. Царь будто бы вмешался, но Прус[157] сказал: в Париже покончим с Банипарте. Чуть мы водворились в келиях своих, прибыл Граф или Барон, Господь его знает. С ним получены новые вести. Наполеон в плену. Мак-Магон убит[158]. Остатки корпуса его бежали в Бельгию. Во Франции провозглашена еще раз Республика... После всего этого оставалось лишь лечь спать. В 4 часа мы сделали экскурсию на «Моисееву гору» и видели оттуда верхушку Синая. Не поразила меня. Не вышла столбом, как я ее воображал. Дома нашли, что гости убрались спать под палатки. Экие догадливые! Старцы приходили на совещание по делу с своим прежним Игуменом. Чай. Выписка и переписка. Кончили Житие Св. Николая.

Понедельник, 31 авг(уста)

Встал уже после солнышка. Наполеон не приснился. Перед чаем принял пилюлю. Переписывал нечто из жизни Св. Григория Агригентского. Простился с отцом дикеем, пожелав ему счастливого пути в «мир» и отчасти позавидовав ему. С Николой начали переписывать Жития Святых. За обедом письмо от о. Филарета из Александрии. Утомившись, спал до самой вечерни. Занятие обычное до 9-ти часов ночи. Более пока ничего. Конец бедовому А в г у с т у и Богу слава!

Вторник, 1 сент(ября)

Никакой звон и стук не в состоянии был разбудить меня и завлечь в церковь, ради старого новолетия. Ходил с полчаса по террасе, воображая, что занимаюсь молитвою. После чаю следовало на целый день обычное занятие. Начали сегодня переписывать святых отцов. Набралось 7 Дионисиев, 7 Ефремов, 4 Василия, но все это совершенное ничто с морем Григориев и океаном Златоустов. Австрийцы не пришли сегодня и, верно, не придут совсем. Стал болеть зуб.

Среда, 2 сент(ября)

То же самое и прибавить нечего. Желание возвратиться восвояси возрастает исполинскими шагами. Работа беспрерывная. Притащили сегодня в комнату всех о т ц о в. Златоуст образовал целую гору. Благополучно миновали Ефрема и завтра подступаем к Богослову. В обители тоже целый день возятся с принятием, ссыпкою и мытьем пшеницы.

Четверток, 3 (сентября)

То же хождение на угловой террасе. Чай с молоком. Пересмотр Богословов. Есть фолиант с бесподобными рисунками и есть миниатюрец с микроскопическим

---

[156] «Плон-Плон» — Наполеон Жозеф Шарль Поль, французский принц.

[157] Прус — прусский король Вильгельм I (1797—1888), с 18 января 1871 г. германский император.

[158] Слух не оправдался. Маршал П. Мак-Магон (1808—1893), командовавший французскими войсками под Седаном, был позже президентом Французской Республики (1873—1878 гг.).

письмом и всеми 51 словом св. отца. В промежуток делал надписи на книгах. Приходил один из «англичан» с визитом. Сегодня отправляются в Палестину сухопутьем. Счастливцы. Искал праздничной вечерни, но она ушла из Собора на юго-восточный угол. Якуб отыскал еще одно мембранное житие Св. Георгия арабское, год упоминается с Задианосом и Диоклитиан. Любопытные вещи!

Пяток, 4 сент(ября)

К обедне все-таки сходил в церковь св. пророка Моисея. Писание билетов. Чай. Борьба с громадными хрисостомами, продолжающаяся до сих пор. Впрочем, остались уже одни эклоги из него или наши «маргариты» покойной памяти. Федор Спиридонович нашел рукопись бумажную с 6417 (909) годом! Вероятности ни на волос, а факт перед глазами. В одном Златоусте видели сегодня прекрасные изображения Константина Мономаха и двух Август: Феодоры — молодой и Зои — пожилой.

Суббота, 5 сент(ября)

Весь день работа. Святые аскеты труднее отцов и возни с ними немало[159]. Отдышное время употребляю на строчение надписей. До того втянулся в дело, что забыл дни. Слушая сегодня красный звон, не мог объяснить себе, что за праздник завтра.

Воскресенье, 6 сент(ября)

Заутреню, конечно, проспал. После обедни, не теряя т. ск. ни секунды, принялся за работу. Есть такие подвижники, что от них не добьешься ни одного слова и, 10 раз перелистнувши книгу, остаешься все-таки в неведении, чье и какое оно произведение. Нового ничего. Едим ежедневно сладкие дыни... и раифскую рыбу.

Понедельник, 7 (сентября)

Каллиопа спрашивает, отыскал ли я ея мать, а я лгу безбожно, что искал, да не нашел. Жалуется на Софию[160], что та пристает к ней за деньгами и прочая чушь снится. Книги и книги без числа и меры. Признаться, уже очень стало хотеться возвратиться в Иерусалим. За вечерней мозаики.

Вторник, 8 ч(исла)

Просидевши за полночь, не соберешься с силами встать и пойти к заутрене. Обедню служили в одном из приделов правой стороны собора. Думал, что покончил с аскетами. Не тут-то было. Их еще оказалось столько наверху в библиотеке, что стало на целый день работы. Ничего более не придумаю записать. Все обстоит благополучно.

Среда, 9 сент(ября)

Занимались целый день кириакодромами и иными сборниками слов и бесед. В области этой царствуют Патриарх Филофей и Максим Пелопонесский. Болезнь Ф. Сп. смущает меня. Надобно поскорее выбраться отсюда туда, где есть доктор. Чуть ли не решусь в следующий понедельник выехать, наскоро покончив свою, несколько уже опостылевшую работу. И пора, давно пора.

---

[159] «Аскеты труднее отцов»: традиционное противопоставление «отцов подвижников» (авторов аскетических сочинений) и «отцов богословов» (авторов сочинений богословско-догматических). «Труднее»: в смысле атрибуции рукописей.

[160] София — София Константиновна Апостолиди, воспитанница и духовная дочь архимандрита Антонина в Иерусалиме. Каллиопа — ее мать.

Четверток, 10 с(ентября)

Утром положили готовить подводу к понедельнику, чтобы выехать рано во вторник. До обеда все возились с разными апоминариями аскетными и кириакодромными. К вечеру разобрал кипу законоправильников и ночью успели с Николой описать 5 из них самых старых мембранных. Сегодня же прошли и исторический отдел, весьма, впрочем, скудный. Есть Кедрин, Никифор, Манасеи, Глика и один безымянный. За полночь сидели над мнимым Фотием, обратившимся в давно искомаго Зонару.

Пятница, 11 сент(ября)

Ночью и утром стало уже довольно прохладно. Первым делом было разделаться с Евсевием. Потом принялись за <в ркп. пропуск> и покончили их к обеду чуть не все. Вечером переписывали <в ркп. пропуск>. Спать намерен лечь пораньше, труда ради грядущего. Ничего не бывало. Досидел до полночи.

Суббота, 12 сент(ября)

Встали на свету, и отправились с посошками на Синай. Шли ровно два часа. Передышка происходила раз 30. Водворившись наверху, устроили темную лабораторию и принялись снимать виды. В ожидании солнышка, сидел в малой пещерке и снимал старую греческую надпись некоего Космы, м. б. Индоплавателя. Опять фотографированье, длившееся до двух часов. В 2 с 1/4 — простились с Богошественною горою. По дороге искали камней с деревьями, видели простые скалы Аббас-паши[161]. Обозрели церковь св. пророка Илии. Закусили у кипариса. Домой пришли уже в 5 почти часов. Курьер из Суэца. Привез о. Григорию[162] разрешение ехать. Рассматривание славянских книг. Потом до полночи переписка нотных стихирарей.

Воскресение, 13 сент(ября)

Утреню, конечно, проспал. После обедни, в Панагии, клали надписи на книги. Обед. Вечерня. Та же работа часов до 10. Нет, не уехать нам ни завтра, ни послезавтра.

Понедельник, 14 (сентября)

Ради нас, немощных, утреню начали часа в три. Почти во все продолжение ея читал молитвы. Облачился на Хвалитных, но отказался от церемонии выноса и воздвижения Креста. По окончании службы спустились к Неопалимой Купине. По входе происходил постриг. Из Николая вышел брат Никандр. Шли с свечами к геронде новопостриженника, и угощались там чаем и пр. Через полчаса опять мы были уже в Панагии и строчили надписи, расставляя между делами книги по рангу. Доработали там незаметно до 3-х часов. Вечером опять собрались и сидели до 9 часов. Устали крепко. Через час дремоты я решился не мучиться, оставить письмо и — <в рукописи пропуск>.

Вторник, 15 (сентября)

День предполагавшегося выезда. Принял пилюлю. До 4-х часов разбирали книги. Что за хаос! Нет, нумера нам будут стоить дорого. Простудил левую щеку и стали болеть зубы. Никандр наш так покрикивает на свою братию, что уже теперь высматривает будущим Синайским Деспотом... А верблюды наши со вчерашнего дня ждут нас. Эх!

---

[161] Аббас-паша — вице-король Египта в 1848—1854 гг.

[162] Иеромонах Григорий, скевофилакс Синайского монастыря.

Среда, 16 ч(исла)

Вчера к полночи перенумеровали 300 книг. Сегодня надеемся дойти до... Посмотрим. Холодное утро. Чай. Нумеровка. Даже до 250 не дошли. Зубы и вся щека болят. С 6 часов опять сидение за полночь. Бердевсья мегали. Кончили на 860 нумере. Завтра кто говорит выедем, кто — нет. Нетерпению меры нет.

Четверток, 17 (сентября)

Боль с челюсти перешла в горло. Глотать трудно. Чаем да движением она скоро уменьшилась. Засели за свои номера и к двум часам дошли до 1015. Боль спустилась в брюхо. Обедал со страхом. За вечерней списывал надписи. Потом обошли на прощанье 5-6 параклисов и посетили кладбище. Усыпальница в состоянии поразить кого угодно. Целая гора мощей с неразложившимися руками, ногами и даже целыми остовами представилась глазам нашим. Один, бывший вратарь, сидит с скрещенными руками и поджатыми ногами, в положении, как скончался. Кости Преп. Максима точат влагу. Господи! Что за зрелище! Кости Констанция черные. А какого-то иерея голова, черная, с бородою, ужасна. Впечатление глубочайшее оставило во мне это посещение. Ходили по саду. Зашли к скевофилаку и иконому, и потом до 11 часов, в последний раз сидели в Панагии и кончили перенумеровку. Слава Богу! Устал крепко и, выпив стакан чаю, поспешил на место ночлега.

Пятница, 18 (сентября)

Боль как бы совсем прошла. Переписывали и перенумеровывали певческие книги. Отцы пришли с прощальным словом. Половина 12-го. Послал Никандра с старыми листами к скефолаку. Идем обедать. Все уже готово к отъезду. Прости, гора Святая, Богошественная, и обитель славная! Дай Бог всем нам всего благопотребного. Аминь. После обеда о. Григорий принес листы, но вытянул из числа их тот, что был с крупным письмом. Ходили в Панагию и библиотеку отыскивать отобранные книги, нашли их и взяли с собой[163]. В ожидании отправки перелистывали Порфириев атлас. Позвали в церковь. В алтаре служили молебен Св. Великомученице и приложились еще раз к ея главе и руке. У Купины я помолился прежде. Положил свои 25 лепт на блюдо и одну на престол и простился с церковию. За оградою долго ожидали скевофилака. Уже и солнце скрылось за Хоривом. Наконец появился и «сфилакс». Шли до камня пешком в сопровождении всего братства. В тени онаго выпили по чарке мастики, закусили фиником и дружественно простились с отцами, пожелав им процветания обители и монашеского правила. Пошло затем качание на верблюде. Минули Хорив, поднялись на высь ущелья и поклонились исчезавшей обители. Ехали ущельем часа два, а потом уже, в сумерках, с полчаса шли пешком. Спустившись на равнину, сели опять на верблюдов и, мало-немного проехав при свете луны, расположились ночевать. Явился немедленно самовар и прочее утешение.

6. Переговоры о приобретении участка в Горней (1870 г.)

Суббота, 18 июля

Спали ничего себе. Встав, обозревал с Мусой[164] прикупленную землю и возводимую на ней стену. Со временем будет великолепная штучка. Жаль, что школа не занимает наивысшего пункта земли нашей. Праздничные совещания с госпожой. Подобно Патриарху, она начала уже прямо и просто просить денег. Принужден был ей заметить, что Школа наша не богадельня. Одного хлеба, говорит, выходит в

[163] Имеются в виду Киевские глаголические листки (католический миссал) — древнейший из сохранившихся памятников старославянской письменности, подаренный о. Антонином в 1872 году Киевской Духовной Академии.

[164] Муса Бетжальский — подрядчик.

Рис. 1. Первоначальный вид Горней, с только что построенной церковью Казанской Божией Матери. 1883 г.

месяц 60 батманов (мукою). После чаю, отправились далее. Почти целый час объезжали хребет Рас-Она, пока спустились к Филиппову Источнику. Напились тут воды и пропели тропарь Апостолу. Затем не менее часа употребили на подъем и спуск через хребет Камр к селению Жора и, наконец, к давно желанной пещере Крестителя. Тут остановились, помолились и закусили чем Бог послал. Сходили к гробу Праведной Елисаветы, покушали тамошнего винограда и простились с местом. С час времени ехали потом до Magnificat, нашли двери его запертыми, посмотрели на развалины из сада Ханны-Карла[165], воззрели на будущее Московии, и пешие прошли к Францисканскому монастырю. Был полдень и добрые отцы спали. На стук наш отвечали предложением подождать с час времени, пока кто-то там проснется. Вероятно, наши не дали маху и пугнули отцов именем Московского Мутрана. Нам отворили врата Церкви, и мы невозбранно поклонились Святым. Опять подъем на гору Али и длинный переезд по уади Махриорг. Спасибо, ветерок парализовал силу палящего солнца. Крестный Монастырь, окруженный масличною рощею. Последняя высота. Чей-то звон к вечерне. Иерусалим. Московие и перед ним неуместный цирк полотняный с Италианским флагом. Водворение у себя. Сладкое farniente. Всенощная. Обед, который признан был излишним и, несмотря на то, пошел в дело. Беседы. Дремота неумолимая, молитва неуловимая.

Среда, 28 окт(ября)

Скука — каждое утро писать одно и то же. С началом сей страницы изберу другую систему в таком, например, роде. Обедни не было, несмотря на среду. На Элеоне место вышеупомянутое куплено (120 наполеондоров), несмотря на безденежье. 600

[165] Джелляд, Ханна Карло — бывший драгоман французского консульства в Иерусалиме.

полуимпериалов отданы Его Червонству г. Валеро[166], несмотря на страх потерять оные и т. д. В свое время чай, в свое — обед. К последнему подошел бывший Благочинный Миссии. Приглашал его ехать завтра вместе в Горнюю, но получил отказ.

Вечером писание статьи и искание плана домов Ханны Карло, имеющих поступить в русское владение.

Четверток, 29 ч(исло)

Было обещано, что встанем до свету, напьемся чаю до солнышка и выедем до Е., а вышло, что выехали в 8 часов почти. Взяли путь на Колонию, а от нея повернули прямо к Горней. Дорога эта во всех отношениях лучше т. наз. прямой. Только при подъеме в Айн-Карим представляется трудность. Поклонились месту Magnificat и отрекомендовались г-же Карло. Осмотрели сперва большой дом, потом перешли в меньший, угощены были там кофем, проведены по границе владений оного, закусили на террасе ровно в полдень и потом предприняли обход всех владений почтенного драгомана Французского консульства. Всего купить не придется, а что именно выбрать, не вдруг решишь. Западная половина во всех отношениях лучше, но на нее одну, как она теперь есть, не хватит 18 т. бумажных рублей. А сколько придется делать перемен! Откуда взять деньги? Часа в 2 простились с хозяйкой и отправились через горы в свою Бетжалу, куда прибыли часа через полтора. Зрелище упавшей стены нашей школы поразило меня в сердце. Очевидно, что ее свалили дожди и ветер, а плут Муса сваленную сваливает на злонамеренность жителей Бетжалы и втянул нас в историю — негодяй! От неприятностей я не остался и ночевать, а поспешил домой. Пишу письмо в Питер.

Пяток, 30 окт(ября)

Обедня. Продолжение корреспонденции. Якуб с Ханной Карлом. Тщедушный и чуть не безголосый старичок, по всему видно, не очень податлив в делах денежных. Он рекомендует нам купить оба дома, а на мое заверение, что мы свыше 18000 рублей не имеем в своем распоряжении ничего, не обратил никакого внимания. Видал виды человечек. Впрочем, обещался объявить цену как той, так и другой половины своих владений отдельно каждой. Продолжение письма. Обед. Всенощная.

Суббота, 31 окт(ября)

Обедня. Записка от Х. Карло, в коей объявляется цена западной половины 5000, а восточной 3000 наполеондоров. К записке приложена тайная писулька, советующая Якубу убедить меня взять все вместе и обещающая не забыть его. Старый плутище! О. Гедеон за жалованьем. Бак в 200 наполеонов. Визит к консулу и известие о начавшейся бомбардировке Парижа, полученное здесь еще третьего дня.

НОЯБРЬ

Народов давка,
И крови ток,
И папе срок,
И мне отставка!

Воскресенье, 1 н(оября)

В самом деле, чтоб не случилось отставки. Видел сегодня во сне, что брожу где-то по квартире. Служил Бож. Литургию. Дамаскин[167] не отстает. Поют умилительно. Народу набирается уже довольно. За чаем дети. Г-жи Муханова[168] и Анна Яковлев-

[166] Валеро — банкир в Иерусалиме, через которого осуществлялись финансовые операции Русской Духовной Миссии и Императорского Православного Палестинского Общества.

[167] О. Дамаскин — «Тивериадец», иеродиакон.

[168] Муханова Надежда Афанасьевна — г-жа, поклонница, 1870 г.

на[169]. Строчение писем. Бетжальский даскал. Ростовский поклонник, вроде покойного Федора Петровича[170], с газетами из Одессы. Екатеринославская поклонница с письмом и рублями от Петра Мулева[171], бывшего моего товарища по семинарии. Кончина кровельного мастера, упавшего с месяц назад тому с купола нашей церкви. Обед. То же писание вплоть до 10 часов вечера. Два письма от бедной Стеллы Ангелопуло[172]. Разбор пачки с газетами.

Понедельник, 2 н(оября)

Проснулся поздно. Управившись с первыми делами, шил газету, толковал с драгоманом своим о делах арабских. Купил у Диаманти[173] золотого императора Анастасия (30 ф.), срисовывал план домов в Горней. Возвратившийся из города Якуб нашел продавца несколько сговорчивее, и объявил ему нашу цену за западную часть 2500, и за восточную 1500 наполеондоров, на что никоим образом кощей бессмертный не соглашается. Вифлеемцы распилили большой брус для навеса над церковным колодцем, а мастер Василий кладет под столбы новые большие камни. После обеда ездил на Элеон и принял (мысленно) во владение прикупленную землю. Хороший кусочек. Две старые цистерны. Множество старых больших камней и бездна мозаических камешков. Предлагают и еще прихватить кусок тоже с востока за 20 золотых. Возвратился домой в сумерки. Хотел пописать статьи своей, да дремота одолела.

Вторник, 3 н(оября)

Несмотря на столько храмовых праздников в городе, не пошел никуда на обедню, ни дома таковой не было. Занимался пустяковейшими делами, поручил драгоману навесть справки об арабской духовной современной литературе. Принял от Бака 200 наполеонов, а других 200 принес «хрещеный жид». По поводу сего долго предавался счетному делу. Обед. Вечерня. Вечерованье и скудное статьи писанье.

Среда, 4 ноября

Якуб видел во сне какие-то бумаги, подписи, печати и прочие привычные ему явления и заключил из сего, что дело «Горнее» пойдет хорошо. Обедня. Известие о желании Ханны Карла видеть меня. Прибытие почтенного желателя и ведение тонких бесед, кончившееся тем, что он согласился отдать оба дома со всею землею при них за 4000 наполеондоров при условии, sine qua non, чтобы ему выхлопотан был русский орден и именно Св. Анны. Ударили по рукам и на том распрощались. Признаться, было очень весело. Забравши план будущих владений своих в Горней, я отправился к Консулу, рассказал ему всю историю и через него послал телеграмму П. П. Мельникову[174], гласившую: Quatre mille napoleons et decoration, comme condition? Quelle est votre opinion? Обед. Чтение. Вытаскивание телескопа. Наблюдение Сатурна, Юпитера, Орионова пятна и Урана, длившееся за полночь.

---

[169] Анна Яковлевна, назареянка, в Иерусалиме.

[170] Черепанов Федор Петрович — земляк о. Антонина.

[171] Мулев Петр Авксентьевич — екатеринославский священник.

[172] Ангелопуло,Стелла — вдова коммерсанта из Смирны.

[173] Диаманти — продавец антиков в Иерусалиме.

[174] Мельников Павел Павлович — член Гос. Совета, бывший министр путей сообщения.

Пятница, 6 н(оября)

Положено было выехать на свету, а выехали в половине 8-го. Напросился и Осман[175] вместе с нами. Караван составился из 4 ослов и одной лошади. Ехали весело. Не было жарко, да и холодно не было. У прудов закусили. Комендант крепости угостил нас кофеем. Высматривал пригодного места для промежуточной станции Дубных поклонников наших, но такового не оказалось. У ключика вторично останавливались на полчаса. Прибыли к Дубу часа в три. Устроение палатки, оказавшейся весьма приглядною и нарядною. Обозрение места. Самовар. Укрывательство от ветра. Le Nord. Позевота. Ужин. Дремота, ничуть не уступающая иерусалимской. Кое-какая молитва.

Суббота, 7 ноября

Св. Мученик Антонин не был здесь, но мучитель его, в бытность свою в Палестине (362 г.), вероятно, приезжал в Хеврон, симпатизируя жидам. Его, оплеванные Мучеником, глаза может быть устремлены были и к маститому дереву, у которого вот уже в другой раз я справляю свои безвестные именины. Спалось хорошо, но виделось во сне какое-то непотребство, неприличное празднику. Встал с солнышком и даже, пожалуй, раньше его. Ходил по всем границам наших владений, читая мысленно воображаемую молитву. Прибытие мастеров. Чай. Закладка сторожевого дома. Под краеугольный камень я положил 10, 15 и 20 коп. серебром на память будущим родам. Гулянье на вершину Сибты. Сидение у места работы. Чтение. Дремство и сон. Ибрагим-Эффенди. Ветер и пр.

Воскресение, 8 ноября

Во сне был в дому отчем и умилился до слез видом столько памятной «избы» и тужил о нем, как все там жило и живилось в былые дни. Есть родственные отношения между ним и Авраамом, между Батуриной и Дубом. Это несомненно. Даже и не спится под Дубом, точно, бывало, дома, по приезде на вакацию. Ходил по всем углам Мамврийским, пил чай, смотрел на работу каменщиков, поджидал Меджлис Хевронский, получил неудачные снимки надписей, находящихся внутри Авраамовой мечети. Около полудня отправились в Дер-Баха, или к источнику большого монастыря, поднялись от него на гору Хирбет-Хакура, отдохнули и закусили в тени одного большого харупье (рожкового дерева), откуда смотрели в трубу на Средиземное море с двумя пробегавшими кораблями, прошли по всему хребту горному до «Пещеры Пророка» и возвратились восвояси к 4-м часам. Меджлис, с самим почтительным Кади, сидел в палатке и ожидал от нас барана. Мы же приготовить его не догадались. Так и вышло ни то, ни се. По отбытии гостей, обед — он же и ужин. Гулянье около хаты, чтение под шум неумолкающий широколиственного исполина-ветерана растительного царства и сладкое дремание.

Понедельник, 9 н(оября)

Огромная и великолепная церковь с высоким куполом, едва различаемым сквозь какой-то решетчатый временный потолок, пленила меня в сновидении. Встал до солнца. Те же занятия и в том же порядке. Абдалла[176], возратившись из Хеврона, сказал, что ослов не нашли там, ибо их с раннего утра угоняют на работы. Решились, скрепивши сердце, еще провести здесь ночь, зато уже завтра прямо поедем в Иерусалим, не заезжая в Бетжала. Разные посетители, в числе их и некто Дервиш-Эффенди, шейх нашего околотка и тесть Муфтия. Пекущее солнце и

[175] Осман — кавас Миссии.

[176] Абдалла, Абалла — Хевронский шейх.

холодный ветер. Сидение у Св. Сарры с газетой. Уборка преждевременная палатки. Помыслы прикупные, искание места для большого дома. Охаяние работ. В сем и день прошел.

Среда, 11 ноября

Ханна Карло призвал Якуба и сказал, что он стоит на своем слове, хотя его и бранит за продажу большого дома жена. Он, впрочем, не прочь продать нам (за 1500 нап.) и один меньший дом, а Якуб требует, чтобы куплены были оба. Ненасытный господин. В городе только и речей, что о войне Москвы с Падишахом. На стороне последнего будут Англия и Италия, Австрия же не мешается ни во что, равномерно и грозная Эллада.

Пятница, 13 н(оября)

Novum nil. Гарем паши сегодня был в нашей церкви, начав таким образом свой пост наилучшим из дел человеческих — молитвою в Храме Бога Истинного.

Суббота, 14 ноября

Досветный иеродиакон. Обедня. Чай. Василий с просьбою об отыскании для него русско-греческой грамматики. Поиски по сему случаю в библиотеке. Обретение глаголической азбуки и усилие разобрать письмо принадлежащих мне 7-ми пергаменных глаголических листков. Посетители разные, в числе их и русский князь поклонник Шиканский или Шиковский, как-то эдак. Приготовление писем. Обед с заговенным quasi — пуддингом. Всенощная и во время ея телеграмма из С. Петербурга, гласившая тако: Conditions achats admissibles. Intercederai pour decoration, affaire Benjamin aussi. Vous avez pension mille roubles. Felicite. Melnicoff. 11/23 Novembre[177]. 5 часов и 20 минут вечера. После такой вести, поистине, молитва на ум не шла. Итак, вот тебе и пенсия, Антонин! Допросился!

Среда, 18 ноября

Никола возвратился из Бетжалы, окончив там все работы свои. В Яффе дом окончен совсем постройкою. Остается штукатурить его. Боковой сад с пещерами будет куплен всенепременно. Из Хеврона сведений не имеется. Над Горнею пока еще лежит мрак неизвестности. Военных новостей нет.

Пятница, 20 ноября

Еврей принес книги, в числе их и глаголический отрывок, над которым я и просидел опять немалое время. В 2 часа хоронили какого-то грека. Обед. Всенощная, кончившаяся уже ночью. Еще раз занятие глаголицей. Так и кажется, что это кириллица на готический лад.

Воскресенье, 22 ноября

Служил Божественную Литургию, угощал детей и выдал золотой на приближающийся праздник. Другой золотой пошел Абиссинцам, которым Армянский монастырь отказал в хлебе и супе. Посылают депутацию к Кане с жалобою на обиду. Но тщетная надежда бедняков на помощь. Касса-то эта, кажется, совсем пустая. Консул известил, что паша получил телеграммы две. В первой говорится, что Бисмарк предлагает конференцию для окончания русского дела на Востоке. Во второй время и место сей конференции глаголется неизвестным. После обеда ездили с Якубом на Элеон и производили измерения на нашем месте. Подъехали туда же

[177] Условия приемлемы. Буду хлопотать о награде — и о деле Вениамина тоже. Вы получаете пенсию в 1000 рублей. Поздравляю. Мельников. 11/23 ноября.

Консул с Консульшей. Заходили по дороге в «Pater-noster» герцогини Бульонской, наследницы первого царя Иерусалимского. В числе разноязычных переводов Молитвы Господней есть и «Moscovite», а не Russe... Экая рожа! Застрял по дороге на чай у Консула. Дома чертил план Элеонскаго Московие и пожелал видеть старые арабские рукописные книги, взятые из церкви Святого Апостола Иакова, над коими и сидел часов до двух ночи. Жребий сказал: нет...

Вторник, 24 ноября

После обедни заходил к князю и отсутствующей имениннице. С состоящим при оной ходил в собор[178] смотреть на тамошние работы. Еще недели две-три и настилка пола будет кончена. Останется постановка иконостаса и освящение. Дома еще чай.

Понедельник, 7 дек(абря)

Под вечер еще доставлен был пакет из Константинопольского посольства с книгами и двумя письмами. Эти письма заставляют меня призадуматься. Оба они утверждают, что вскорости мне придется ехать в Петербург, а оттуда опять в Царьград на апокрисиариатство. О, Господи! Удержи меня здесь без всякой передвижки. Сидел вечером у Консула, от коего получил и давно ждомый вексель в 17825 р. Или в 2293 фунта стерлингов, 2 шиллинга и 3 пенса. Ночью гроза с сильным громом и проливным дождем. Venit Valerga[179].

Вторник, 8 декабря

Переживаем самые короткие дни, да и те — еще урванные пачемерным сном. Воображаемая молитва. Чай. Коптская депутация за митрой. Совещания с драгоманом о деле Горней.

Среда, 9 декабря

От Дуба пишут, что камень для круга готов и ждут мастера. На Элеоне работа идет своим чередом.

Четверток, 10 дек(абря)

Молитва, чай, чтение. Ханна Карло. Разговор с ним на французском диалекте. Угораздило драгомана моего обещать ему прибавку за большой дом в 200 или 300 наполеондоров сверх 2500. Теперь нельзя поправить дела. Приготовление закопченного стекла. Обед. Доктор. Ожидание начатия затмения с половины второго часа. Гости и гостьи. Сидение на террасе. Извлечение из библиотеки телескопа. Ожидание-е. В 2 ч. 45 м. Жорж[180] открыл первое пятнышко на солнце. Вечерня (не для нас)... Дальше сего не пошло дело. С 5-ти часов небо западное покрылось облаками. Очевидно, что представление надобно было считать поконченным. Я убрал телескоп и хотел пойти к вечерне, как навстречу мне поднялась с лестницы еще целая орава гостей, предводимых Консулом. В числе их был и граф Кабога[181], дал-

---

[178] Троицкий собор — главный храм Миссии — был построен еще в 1860—1864 гг. (по проекту архитектора М. И. Эппингера), но работы по внутреннему убранству затянулись, и храм был освящен лишь 28 октября 1872 г., в присутствии находившегося тогда в Иерусалиме великого князя Николая Николаевича Старшего.

[179] Прибыл Валерга (латинский патриарх Иерусалимский).

[180] Сердис Георгий Герасимович (Жорж) — аптекарь на Русских Постройках.

[181] Кабога-Духинский, граф, австрийский консул в Иерусалиме. Пройдет 11 лет, и о. Антонин 22 декабря 1881 г., простившись с телом умершего накануне от дифтерита Кабоги, запишет вечером в дневнике: «Плачевное зрелище усопшего, положенного на полу и украшен-

матинец и заклятый фанатик Папизма и Австризма. Посидели у меня, походили на верху на террасе и ушли уже по захождении все еще ущербного солнца. Топление печки. Чтение. Ленивое писание.

Пятница, 11 дек(абря)

Вместо церкви ушел в город. Искал Вениамина[182]. Заходил в храм, где совершалась (на Голгофе) большая панихида по покойном Митрофане. Поздравил Патриарха с приездом и передал ему вексель. Старец был в восторге от денег, извинился передо мною за случай 4-го декабря, взвалив всю причину скандала на игумена Никольского, пригласил меня на архиерейское рукоположение послезавтра, и пр. Возвратившись домой, обрел Якуба, сообщившего, что в Табита начали уже копать ямы для посадки дерев, что прикупить место с пещерами не легко, что александрийская телега похожа на колесницу фараонову и пр. Чтение. Обед. Письмо в Питер к г. Кумани[183]. Вечерня, и пр. Пушки.

Понедельник, 14 д(екабря)

Все как и всегда, начиная от погоды до кашля, неизменно появляющегося каждое утро. В полночь сознание вреда от лежанки, не могу отстать от нее и тем, вероятно, усиливаю свой кашель. Байрам продолжается и сегодня. Пушки в определенные часы дают знать о том. Слух, что завтра будет посвящение «Иорданского»[184]. Ожидание посвящения. Чтение. Обед. Отправление с Якубом и Порфирием[185] на Элеон. Искание греческих надписей в гробницах Пророков. Обозрение своего места. Возвращение домой уже ночью при луне. Запоздалое приглашение патриаршее.

Пятница, 18 д(екабря)

Напившись чаю, после звона к обедне отправились с Якубом в Горняя через Колонию. Прибыв в Айн-Карим, остановились в большом доме г. Ханны Карла. После чашки чаю и тысячи любезностей, пошли с хозяином осматривать место. Показалось мне оно теперь не таким огромным, каким воображалось. Но все-таки, чтобы обнести его оградой, требуется много и премного золота. У меньшего меня ожидало нечаемое разочарование. Старый плут отрезал себе значительный кусок продаваемого там места и отгородил его новою стеною. Скверное дело, а впрочем, может быть и полезное нам. В 12 часов обед. Потом опять обзор границ. Никакого моря не видно с будущих границ наших, вопреки уверению настоящего владетеля оных. Запало в голову отказаться совсем от большого дома и за малый предложить 1000 наполеонов, благо есть предлог к тому. Расстались, впрочем, друзьями, хотя старик видимо был сконфужен открытием его проделки. Возвращались тоже через Колонию другим, длиннейшим путем. Встреча Паши, двух Жоржев и почтенного Бака[186], разносящего кредиторам условленные проценты по случаю окончания 1870 года.

ного декорациями (орденами. — *Сост.*) разными. Точной живой, только с закрытыми глазами, готовый вдруг разразиться тысячью острот. Бедный неугомонный деятель во имя идеи, давно отжившей... Нашего поля ягода! Прощай, прощай — недюжинное явление времени нашего. Грустно вообще».

[182] Вениамин — архимандрит Крестного монастыря, секретарь Иерусалимского Патриарха с 1870 г.

[183] Кумани Алексей Михайлович — русский дипломат; в 1880—1881 гг. — Ген. консул в Софии (Болгария); в 1896—1901 гг. — посланник в Пекине.

[184] Феоклит, игумен Гефсиманский, с 15 декабря 1870 г. — епископ Иорданский.

[185] Порфирий Александрович Белавин — певчий при Миссии.

[186] Бак — служащий местного коммерсанта Спиттлера.

Суббота, 19 декабря

Та же мгла. Та же сушь и те же мысли в голове — непременно отказаться от большого дома и выстроить вместо него приют на Элеоне.

Воскресенье, 20 дек(абря)

Немножко заморозило было утром, но надежда на дождь на сбылась. Служил. Угощал чаем и талерами гостей своих. Составлял с драгоманом проект отказного письма Ханна-Карлу, тараторил с Консулом.

Понедельник, 21 дек(абря)

Болит плечо, да и только. После первых дел, рассматривал доставленных вчера Ассемана[187] и Адрихомия[188]. Осман принес только одну пачку газет, и ничего более. Родственник Ханны Карла, пожаловавший к нам прямо (!) из Вифлеема. Недипломатический прыжок Якуба в беседе с ним. Ох, уж мне эти драгоманы! Просмотр и сшивание газет. Обед с рыбником. О. Виссарион с письмом Гашинским[189]. Тот же родственник с устным ответом на письмо, гласящим лаконически, что там стоят неизменно на прежнем решении. Еще бы не стоять! Вечерня. Проходка. Трение регалем. Чтение и писание, и не знаю, что еще более. Бьет 1 час пополуночи и музыка играет. Небо до отчаяния ясно. Плечо продолжает ныть.

Вторник, 22 декабря

Был у обедни. За чаем получил письмо от г. Марабути[190] с вестью, что прибудет в сей же день сюда о. Арх. Николай (Касаткин)[191], начальник Японской Миссии. Уготовление ему комнаты. Письмо от Ханны Карла с ответом на мое письмо. Весьма жалеет, что дело разладилось. Почта с указом синодальным об увольнении о. Анатолия[192] и письмом от г-жи Тимофеевой Константинопольской[193]. Ожидание гостей. Выход на ограду к систерне и собору. Встреча миссионеров. Их оказалось двое. Кроме начальника, еще священник о. Григорий из казанских студентов. Оба очень молодые люди. Добро пожаловать! Мих. Феоф.[194] с фотографиями от о. Иоиля и отношением Хоз. Управления, подслащенным денежным векселем, содержащим 1129 фнтов стрлингов 5 шллингов и 5 пенсв, т. е. жалованье Миссии на первое полугодие 1871 года. Вечерня. Обед. Сидение с гостями у Консула.

Воскресенье, 27 дек(абря)

Служение, угощение детей чаем и деньгами. Приготовление кое-каких бумаг к почте. Отправление Якуба с остальными бумагами к Ханна Карло. Чтение. Визит Его Блаженства[195] с Эпитропом, Секретарем и драгоманом. Хождение с ними в собор и осмотр иконостаса. В сем день и прошел.

---

[187] Ассемани Иоанн Симон — ориенталист, 1687—1768 гг.

[188] Андрихомий — писатель палестиновед.

[189] Гашинский Иван Степанович — агент РОПИТ в Пирее.

[190] Марабути Николай Степанович — русский вице-консул в Яффе.

[191] Николай (Касаткин; 1836—1912) — архимандрит, впоследствии архиепископ. Начальник Русской Духовной Миссии в Японии, основатель Японской Православной Церкви. В 1970 г. причислен Русской Церковью к лику святых.

[192] Анатолий — иеромонах, член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме до декабря 1870 г.

[193] Тимофеева Екатерина Дмитриевна — жена секретаря Русского посольства в Константинополе.

[194] Грановский Михаил Феофанович. См. выше.

[195] Его Блаженство — Патриарх Иерусалимский Кирилл II.

7. О цареубийстве 1 марта 1881 г.

Воскресение, 1 марта

Царица времен началась непогодой, вовсе не соответствующей царской службе. Службу мы начали в половине 6-го, и напрасно спешили с нею, оставивши даже царский молебен. Пришли в воскресенский храм еще во время пения Херувимской. С Патриархом служили 4 архиерея все in partibus. Из повстанцев даже в церковь никто не заглянул. Литания своим чередом. Обошли Гроб Господень четыре раза — не знать, зачем и почему. У Патриарха «освежение». Дома — обсушение, чай и все прочее. Обед с оладьями и патриаршей икрой и даже октаподом[196]. Вот вам и *великий* Пост! Большая вечерня. Чтение. Чай, разумеется, у консула[197]. Ничего благого и отрадного из Царя-града. И паша[198], и Patrimonio[199] доносят, что мы подкупом распространяем православие, интригуем, бунтуем... Еще пара шельмецов!

Понедельник, 2 марта

Наконец-то начинается, кажется, настоящее тепло. Не служим, конечно. KS[200]. Лекарство, молитва. Якубовы сборы с несчетными препятствиями. Анастасия Иерихонская[201]. Псковитянка с 2 рублями. Визит гостям и гостьям в Дворянский приют. Первых не оказалось налицо. Воображаемая чиновница тайной полиции действительно — не клади пальца в рот. Дома то да се. Переоблачение престола малой церкви. Якуб из города с векселем от Валеро[202] и разными закупками. Обед. Архимандрит Кирилл[203], будущий скевофилак, не одобряющий первого пункта Святогробской Конституции, повелевающего избирать членов Синода не Патриарху, а всему (о боги!) братству. Dr. Kumberg[204], на этот раз вошедший в свое русло. С ним осмотр обсерватории и библиотеки. Саввинский игумен. О. Парфений[205] получил свой «Красный Крест». Почты Ллойдовой нет. Нашей, значит, уже и ждать нечего. Расплата за три месяца в количестве 2421 пиастра, разные домашние, и всякие иные расходы, и (954+1678+918) 3550 пиастров по столу. Вот так objora! Дивлюсь, как Чернышев[206] не выставил это обстоятельство на позор всей России! На чаю консул с секретарем[207]. Небо ясное и светлое. Як(уб) завтра едет всенепременно.

---

[196] Осьминог.

[197] Илларионов Н. А. — русский консул в Иерусалиме.

[198] Реуф-паша — турецкий губернатор в Иерусалиме.

[199] Patrimonio — ироническое прозвище, данное о. Антонином французскому консулу в Иерусалиме.

[200] Екатерина Константиновна и Софья Константиновна Апостолиди.

[201] Анастасия — помощница смотрительницы русским паломническим приютам в Иерихоне.

[202] Валеро — банкир.

[203] Кирилл (Афанасиади) — архимандрит Святогробский.

[204] Кумберг Фердинанд Фомич — доктор, поклонник.

[205] О. Парфений — иеромонах. Член Русской Духовной Миссии, главный помощник архимандрита Антония. Убит 15 января 1909 г., похоронен у алтаря Спасо-Вознесенского собора Русского монастыря на Елеоне, «у ног отца Антонина», как он сам завещал.

[206] Чернышев А. Ф. — паломник в Иерусалиме, издавший по возвращении в Россию (под псевдонимом Ю. Добрынин) клеветническую, направленную против о. Антонина книгу: Пейс-паша и его консорты. Мозаики, камеи и миниатюры из любопытных раскопов в трущобах Святой Земли. СПб., 1881.

[207] Яковлев Александр Гаврилович — секретарь Русского консульства в Иерусалиме.

Вторник, 3 марта[208]

Снятся во множестве рассылаемые куда-то узкие и длинные пакеты или открытые письма. Я принял их за новую проделку нечестивой компании, но содержание их не касалось меня. Якуб уже собирается. Совсем по-весеннему на дворе. Моцион в Малую церковь[209]. Чай. Шум и гам, снабжение и провожание отъезжающих. 10 ч. Вифлеемцы новокрещенцы. Наверху тура два. Тут писание и вдруг..... о Господи! Мой Господи!

Приходит о. Вениамин и говорит: Слышали новость? — Нет! Какую? — Государя убили... — Что вы? Господь с вами! — Да! Мне в аптеке сказали, что получено известие. — Да не может быть. Сходите к консулу и узнайте. Чуть только вестоносец повернулся, чтоб идти, влетает Шихашири[210] с телеграммой в 8 строк от Новикова[211], гласящей, что в воскресенье, когда Царь возвращался с парада, в карету его брошена была бомба (орсиниевская, конечно). Государь остался невредим, и вышел из кареты, но тут к ногам его пала другая, разорвалась и раздробила Его Величеству ноги. Бесчувственного, Его перенесли во Дворец, а в 3? часа пополудни он уже скончался, не пришедши в чувство. Вот и вся потрясающая история! Одурела Русь наша, окончательно ошалела. Такого доброго, такого благонамеренного, такого славного Государя гнать и преследовать на смерть, и, наконец-таки убить... что такое? Где объяснение такому дьявольскому ожесточению? Никогда мы, русские, такими не были в своей истории. Шалопаи стали сила России, с которою отселе придется считаться всякому честному человеку. Господи, помилуй нас! Ходил соутешиться к консулу, в больницу, в Дворянский приют. Петербургжанка сваливает вину на кроткие меры Правительства (Лорис-Меликова) относительно политических преступников, закоренелых злодеев, возвращаемых нераскаянными в общество из ссылки. Ей, конечно, виднее дело. Дома тяжесть и уныние. Распоряжения кое-какие. Письмо с повторением утренних жалоб на беспутство яко бы Пчаровы[212]. Поклонница 84-летняя, желающая поселиться на Элеоне и оканчивающая просьбою об «одолжении». Другая из Сергиева Посада с одними обещаниями без вымогательств пока. О. Виссарион[213] с образчиками материи, жертвуемой Марьей Ивановной[214] больничной на завесу в Соборную церковь[215]. Малое утешение перед обедом. Оный Анастасия[216] с крепом. Марья Гавр.[217] с галуном. Вечерня — утреня с торжественно печальною картиною панихиды по Царе родном, благодетеле и мученике. Много слышалось воздыханий, всхлипываний и стенаний. Ведь половина молившихся выросли и состарились с заветным именем Александра Николаевича, расстаться с которым теперь им значило как бы расстаться с своим собственным прошедшим. И я переживаю уже третьего Царя! Самые лучезарные воспоминания мои относятся еще к царствованию Александра Благословенного. Вся свежесть жизни приурочивается к дням Николая Крепкого. С монотонным периодом отцветания связывается, но как-то несущественно, и больше как бы только

---

[208] В оригинале вся запись в дневнике от 3 марта заключена в траурную рамку.

[209] Домовая церковь Русской Духовной Миссии в Иерусалиме во имя святой мученицы царицы Александры, освященная в 1864 г.

[210] Шихашири Михаил Осипович — драгоман Русского консульства в Иерусалиме.

[211] Новиков Евгений Петрович — русский посол в Константинополе.

[212] Пчаро — Халеби Яков Егорович. См. выше.

[213] О. Виссарион — иеродиакон. Член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[214] Хроме Мария Ивановна (до присоединения к Православию — Каролина) — сестра милосердия в Русской больнице в Иерусалиме. О ее крещении см. ниже.

[215] Русский Свято-Троицкий собор в Иерусалиме, освященный в 1872 г.

[216] Анастасия — см. выше.

[217] Змирова Мария Гавриловна — ризничая Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

исторически, бесцветное имя Александра II Освободителя, Преобразователя и пр., но на мое чутье как будто не самодеятеля и даже не самодержца, а только как бы наместника Царя Николая... Скоро 9 часов. Печка. Чай. Грусть и тишина. А что-то там? Воображаю, какая суматоха всеобщая!

Среда, 4 марта

Перед моментом пробуждения видел себя в некоей убогой церкви. Направо выход на балкон, ветхий, с дырами в полу. Перед глазами широкая дебрь, с потоком немногой воды. Спрашиваю имя реки. Отвечают: Кермайя. Половина шестого. Звон к часам. В 8 ч. окончили службу. Писанье в Риху. Чада. Путешествие в город. У Патриарха сидение и воздыхание. 9 ч. Идем церемониально в храм Воскресения, переполненный народом. Облачение в алтаре. Выход среди церкви. Перемена места священнодействия. За страшною теснотою на площадке перед Гробом Господним, предпочли служить панихиду внутри собора. Патриарх с архиереями стал впереди Св. врат лицом на запад. Ряды священников тянулись к западу. У Патриаршего места стояли губернатор и консула. По-русски пели немного, всего три раза. Дело шло вообще хорошо. Народ с зажженными свечами виделся повсюду, на всех высотах. Точно это была Великая Суббота. По окончании службы, прохлаждение у Его Блаженства, где также были и консула все, за исключением французского лемперера[218]. Телеграмма от Никодима[219] из Москвы о воцарении Александра III. Возвращение восвояси, чай, почта немецкая с письмом из Женевы и «Церковным Вестником» без малейшей статьи отшибихинской[220]. Чтение и обед с своими ради великого события. Батурина. Абиссинцы с соболезнованием. Тоже и коптских два священника. Наверху на мал час. Чтение. Кумберг[221]. Показывание ему неба. Писание в Женеву. Чай. В полночь еще Кумберг. 2-й час уже давно. Глаза слипаются. От Якуба письмо. Работы пошли.

8. Паломничество в Святую Землю Великих князей Сергия и Павла Александровичей с Константином Константиновичем

Понедельник, 18 мая

С раннего утра начались сборы к путешествию[222]. Ожидание Николиной[223] коляски. Распоряжения разные по дому. Окончательное приготовление номеров 14-го и 16-го для ожидаемых гостей, а равно и моих апартаментов. Извозчики из города с уведомлением, что колясок нет и не будет, ибо паша в Яффе задержал все сущие под свиту Их Высочеств. Приискивание верховых лошадей. Отказ Порфирия[224] ехать с нами. Отправка Османа вперед верхом на нашей лошади. Прибытие снизу одной тележки. Условия — 50 фр. в руки сейчас же. В полдень подхватываю Виссариона[225] и ех

[218] L'empereur — император (фр.). Очевидно, насмешливое прозвище, данное о. Антонином французскому консулу. См. выше Patrimonio.

[219] Архимандрит Никодим — представитель Патриарха Иерофея в Москве, с 1881 г. архиепископ Фаворский.

[220] Отец Антонин ожидает публикации своей статьи, напечатанной под его новым, очередным псевдонимом «Отшибихин» (по деревне Отшибиха на родине о. Антонина): Святогробские заметки // Церковный Вестник. СПб., 1881. № 9.

[221] Кумберг Фердинанд Фомич. См. выше.

[222] Поездка в Яффу для встречи Высочайших гостей.

[223] Никола — Халеби Николай Егорович, брат драгомана Русской Духовной Миссии Я. Е. Халеби, почтальон.

[224] Белавин Порфирий Александрович — певчий.

[225] Иеродиакон Виссарион: см. выше.

promptu Симона[226], садимся и едем, укрываясь под полотняным тентом. Ветерок навстречу. Живо и весело. Колония[227]. Айн-Карем вдали с церковью и колокольнею, хорошо различаемою в трубу[228]. Абу Гош. Баб-эль-уади. Закуска под деревом и часовый отдых. Несемся далее со всяким благополучием. Встречные коляски, полные евреев, обличают ложные слухи о задержании их в Яффе. Рэмли. Пиво в гостинице «Frank». Гигантский подсолнечник. Мчимся далее. Закат солнца и сумерки. Достигаем Св. Тавифы[229] уже при огнях... Гликонеро. Чай и даже обед с ухою несказанною. Гулянье и молитва на террасе дома и у воды. 10 ч. Спать.

Вторник, 19 мая

Отличный сон. Умовение у вала наверху. Чай. Поездка в город, в Русский приют. Свидание с консулом. Там же г. Марабути[230], оба Сарруфа, Юсеф-эфенди[231] и пр. Визит Елизавете П(авловне). Закупка кое-чего в магазинах и возвращение на своем Пегасе в свой рай. Чтение газет. Осмотр всего сада. Обед. Ожидание гостей обещавшихся, и прибытие неожиданных, а именно Реуфа-паши[232] с Кригером[233] и Юсефом-эфенди, составлявшего компанию посланцу султана генералу Ризапаше[234]... Дивление такому визиту. Ясно, что нам делают от имени Великой Порты ревизию. Угощение посетителей чаем и плодами. Беседы об астрономии (NB) и о многом другом почти до сумерек. Затем еще чтение, хождение по террасе дома при мерцании лунной краюшки. Планирование комнат *второго* этажа. Чай и скорое затем переселение в тот мир.

Среда, 20 мая 1881

Раным-раннее вставанье. Высматривание на море дыма. Стакан чаю или вернее воды, и отъезд в город. В греческом монастыре *отдание Пасхи.* Владыка Сарафаний[235] сияет на кафедре и благословляет. У о. игумена Григория[236] сидение на балконе со многими оными и тщательное высматривание желанного дымочка. Первый усмотрел его я. Вместо Нордвеста, он показался на Александрийско-рейсовой линии. С полчаса прошло, пока стали различаться три мачты корабля в мою трубу, и еще добрый час прошел, пока он мог быть виден во всей ясности. Я поспешил к консулу, и встретил его уже выходящим из дома в полной форме. Прибрался и я, елико мог, и поспешил в приемные покои Патриархии. Корабль был уже совсем близко, и на большой мачте его различался штандарт, но клипера при нем не было. Не дожидаясь, пока он бросит якорь, мы отправились в трех больших лодках от берега в волнующееся море. В полверсте от него различили надпись на его корме:

---

[226] Сердис Семен (Симон) Герасимович — механик.

[227] Колония — евангельский Эммаус.

[228] Имеется в виду Русский Казанский храм с колокольней в Горнем (по-арабски Айн-Карем).

[229] Имеется в виду русский участок с гробницей св. Тавифы в Яффе, приобретенный архимандритом Антонином в 1869 году. Позже на этом участке им был построен храм во имя апостола Петра и праведной Тавифы (освящен 16 января 1894 года, за два месяца до смерти отца Антонина).

[230] Марабути Николай Степанович — русский вице-консул в Яффе.

[231] Юсеф-эфенди — каймакам в Яффе.

[232] Реуф-паша — губернатор Иерусалимский. См. выше.

[233] Кригер — драгоман губернатора Иерусалима.

[234] Риза-паша, состоявший при Великих князьях во время их паломничества.

[235] Имеется в виду Высокопреосвященный Епифаний, архиепископ Иорданский (с 1881 года).

[236] Настоятель греческого Георгиевского монастыря в Яффе.

«Герцог Эдинбургский». На кормовой палубе стояли две белые высокие фигуры, и серенькая низенькая с боку их... Ясно, кого они представляли собою. С большим трудом мы попали на трап, и очутились на крытой палубе. Немедленно консул, а за ним и я представились Их Императорским Высочествам Вел. Князьям Сергию Александровичу и Павлу Александровичу, оказавшимся, вопреки моему предположению, не юношами, а полными мужами, в полном расцвете сил и замечательной красоты[237]. Поцеловались со мною рука в руку, но не удостоили меня ни одним вопросом, занявшись беседою с консулом. Я помялся с ноги на ногу, и тихонько улизнул из каюты. После меня представлялись паши оба со свитою, а за ними и Епифаний, заучив со слов моих наизусть: «Цесть имею приветствовать Ваши Высоцества от имени Е. Бляженства, Патриарха Иерофея[238], с благополюцным приездом (sic!)». В долгом ожидании консула, погрузившегося в дела, не знали мы — бездельные — чем заняться и куда укрыться, и торчали без толку на палубе. Наконец в отчаянии сделали нападение на капитанскую каюту, и водворились в ней, познакомившись тут с полковником Михаилом Петровичем Степановым, alter-ego Их Высочеств, которого и просил представить нас со владыкой Иорданским третьему Вел. Князю. Такой же высокий, стройный, светлый и прекрасный, не замедлил явиться к нам и Его Высочество, В. К. Константин Константинович[239]. Экая троица ангеловидная! Тут же познакомились и с «батюшкой» фрегатским, которым оказался памятный паломник Иерусалимский и часовщик о. Агафангел[240]. По окончании всех переговоров, компания наша оставила корабль и возвратилась на берег. Златоносцы отправились в Русский приют, а мы, черноризцы, — в Русский сад. Впрочем, Виссарион с Симоном застряли в некоей локанде у знакомого грека, а мы с драгоманом подхватили свою кароцу, и укатили в Св. Тавифу, полные удовольствия и пота. Вел. Князья ступят на Святую Землю в час пополудни, и немедленно сядут в коляску. Ночуют у Латруна, и завтра между 9-ю и 10-ю часами будут в Иерусалиме. Отдых и обед. Сборы всякие. Ненужные презенты стариковы фруктами и пр. Возвращение локандцев с известием, что Их Высочества уже уехали. Бахшиши многие. Отъезд из рая сладости в 3 часа с лишечком. Не жарко и очень весело. Удобный бы момент для нашего Пифагора, да вместо него носится перед взором что-то в роде мандрагора... В Рэмли на прежнем месте стакан пива, и марш вперед. В потемках уже проехали мимо великокняжеского лагеря, и часам к 9-ти достигли Баб-эль-уади.

Четверток, 21 мая

Под памятною смоковницею постлали рогожку, и расположились на ней отдыхать на полтора часа, разумеется, не обошлось при сем без закуски. Попотчивали на беду свою и Herr'a Kutscher'a шнапсом, да потом едва могли стащить его с Ноева ложа. Медленно поднимались в горы, и только к свету достигли кое-каких своих построек. Сон до 8-ми часов. Ревизия всего дома и инструкции всем и каждому. В 9 часов отправляюсь в город, и встречаю Севастийского[241], уже приветствовавшего Их Высочеств в Колонии. В алтаре храма и потом в ризнице ожидание благостного звона. Патриарх в дремоте и в видимой заботе о своей речи высоким гостям. Наконец «едут» и «идут»! Принимаем Их Высочеств у дверей

---

[237] Великим князьям Сергию Александровичу (1857—1905) шел в описываемое время 24-й год, Павлу Александровичу (1860—1919) — двадцать первый.

[238] Блаженный Иерофей — Патриарх Иерусалимский (1875—1882).

[239] Великий князь Константин Константинович (1858—1915) впоследствии, с 1889 года — Президент Петербургской Академии наук, поэт, автор стихотворной драмы «Царь Иудейский», литературный псевдоним «К. Р. »

[240] Агафангел — иеромонах. Паломник в 1873—1874 гг.

[241] Никифор — архиепископ Севастийский.

Рис. 2. Свято-Троицкий собор в Иерусалиме. 1872 г.

храма. Патриаршее им приветствие, читанное по тетрадке. Поклонение Камню Помазания и Святому Гробу. Наш Русский молебен перед Кувуклием святым Константину и Елене по случаю тезоименитства одного из Князей. Обхождение под руку с Патриархом, при греческом пении, кругом собора, к месту Обретения Креста и на Голгофу. В первом наши певчие пели: «Кресту Твоему...», а на второй я прочел Евангелие о распятии по-славянски. Затем был визит Патриарху с 5-ю сортами угощения с его стороны. Спешное возвращение на свои постройки, и принятие дорогих гостей в соборной церкви с возглашением литии и многолетия. Дома всяческая суета по приему разных персонажей из свиты Вел. Князей и пр. В 3 часа поездка с ними на Элеонскую гору ради сегодняшнего праздника Вознесения Господня. Были при сем в Гефсимании, на месте Моления о Чаше, в садике, у Стопы Христовой[242], в нашей территории[243] и, при возврате, на месте пророчества Христова об участи Иерусалима. Возвратились домой уже на закате солнца. Перекусив кое-чего на скорую руку, мы с миссией отправились в храм, и служили на Голгофе всенощную, во время которой Жибраил Фотич[244] принес известие, что 150 матросов будут приобщаться за литургией. После службы молитвы и генеральная некая исповедь моряков. К 1-му часу подошли Их Высочества. Обедня была заупокойная с панихидой ради годовщины кончины Государыни Императрицы[245]. К 4-м часам все было кончено, и мы — преутомленные — возвратились домой.

---

[242] В часовне Вознесения, у камня, на котором отпечаталась стопа Возносящегося Спасителя.

[243] Имеется в виду территория будущего Русского Вознесенского монастыря на Елеоне. Спасо-Вознесенский собор, который архимандрит Антонин начал строить еще в 1876 году, был к этому времени уже полностью завершен. (Освящен лишь в 1886 году).

[244] Самури Жибраил Фотиевич — сын драгомана русского вице-консула в Яффе.

[245] Мария Алексадровна (1824—1880) — супруга императора Александра II, покровительница архимандрита Антонина и всей Русской Палестины.

Рис. 3. Интерьер Свято-Троицкого собора

Пятница, 22 мая

В 9 часов чай, визит командира клипера «Жемчуг» с просьбою служить для его команды ночью на Гробе Господнем и приобщить ее Святых Тайн. Синодальный пакет с почты. Регулирует Святейший Синод совместно с Министерством несвоих дел отношения Миссии к консульству, отдавая все, не исключая и дома Миссии, в распоряжение консула, и запрещая мне сноситься с турецкими властями. Относительно же недвижимостей Миссии требует от меня объяснений. Спасибо, что хотя не уничтожает Миссии. Г. Степанов с приглашением идти после обеда с Вел. Князьями в мечеть Омара и инуды. Обед. В 2 часа идем с канцелером[246] в город. От Дамасских ворот до конака паши дорога усыпана песком

[246] Яковлев Александр Гаврилович. См. выше.

и людьми. Ожидаем Их Высочеств. Тут же на помощь явился и Hr. Schik[247]. Проходим Красными воротами среди великого шума и движения народного. Мечеть Омара. Подземелье мечети Эль-Акса. Самая мечеть. Переход к аркадам. Спуск в них и осмотр их до самого крайнего юго-западного предела. Золотые ворота, в которые Реуф отсоветовал проникать по страху падения сводных камней... Лукавец! К Гефсиманским воротам, мимо Овчей купели. Церковь Св. Анны. Развалины одного из 5 притворов Вифезды, по мнению латинцев местных. Капелла Бичевания. Претор. Ecce Homo. Крестный путь. Поворот с него к югу. К плачущим жидам. Возвращение к Дамасским воротам, и оттуда пешеходство домой. Малый отдых и опять в храм на всенощную службу... Бывший дядька Их Высочеств, Димитрий Сергеевич Хренов «и кавалер» доставил мне пакет с 7.000 франков билетами французского банка от графа Григория Сергеевича Строганова, обещанными мне на окончание работ на Елеоне. Спасибо отличному человеку. А в консульство прислал вместо обещанных десяти, двенадцать тысяч, да Патриарху одну тысячу. Три лишние эти тысячи урезаны от Елеонского капитала. Да будет сие ведомо бумажке сей.

Суббота, 23 мая

День кончины дорогого дружка Алеши[248]. Кончив утреню на Святой Голгофе, духовники наши с помощью Божиею исповедали всю команду клиперную. К обедне подошли опять все три Высочества. Что за прекрасные личности! Все шло, как и вчера. Только панихиды не было. Дома сон до 9 часов. У В. Князей визитаторы всякого чина и звания. О. Иерофей[249] настаивает служить завтра большую заупокойную обедню о родителях Их Высочеств. Полковник и я отговариваем их от сего. Увы! Поездка их к Дубу не состоится. В пятницу непременно выезжают в Яффу. Сегодня собирались в Горнюю, но визиты помешали сему делу. Отложили поездку до завтра. На Иордан едем во вторник. Первая смена фрегатской команды сегодня ушла домой. Вторая придет в понедельник. После обеда немедленно отправились в гости, под моею командою, на Сион. Шейхи-дервиши тамошние угостили, после обзора их святыни, Вел. Князей шербетом, при чем назвали себя потомками Давида царя! Дом Кайяфы. Гнойные ворота. Спуск к Силоамскому источнику, нижнему и верхнему. Подъем на Силоам. Гробница Фараонитки. Пещера троглодитов. Захария, Иаков, Авессалом[250]. Последний[251] исследовали по всей внутренности. Подъем к угловой башне стен. Камни Соломонова времени. Золотые Ворота. Кладбище. Ворота Госпожи Марии, Хавуза, северо-восточный угол. Возвращение на постройки[252]. Немедленно у нас всенощное бдение, а за ним радость радостей — баня.

Воскресенье, 24 мая

Решено нам идти в храм в шесть часов, а Высочествам — в семь. Пришлось однако подождать их там полчаса лишних. Служба началась самым началом, т. е. земными поклонами священства, одним — пред Богом и двумя перед человеком. За обычным облачением Его Блаженства архиепископы Севастийский и Фаворский подводили поочередно Великих Князей к Патриарху, читавшему над ними молит-

---

[247] Шик К. — немецкий археолог в Иерусалиме.

[248] Капустин Алексей Платонович — племянник архимандрита Антонина. См. выше.

[249] Иерофей — инок Святогробского братства в Иерусалиме.

[250] Имеются в виду гробницы св. праведного Захарии, апостола Иакова, Брата Господня, и Авессалома, сына царя Давида.

[251] То есть мавзолей Авессалома.

[252] «Русские постройки», т. е. территория Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

ву, и возлагавшему на них кресты с Животворящим Древом на широкой голубой ленте с бантом. Литургия шла обычным порядком. Певцы наши пели: «Милость мира» по-гречески, а вместо «Причастна» — Троичные Самогласны. После обедни, тут же в Соборной церкви, была и панихида по покойным Государе и Государыне. Из храма Их Высочества отправились в Армянскую патриархию, а мы наверх пить воду, ликер и кафес (кофе). Дома чай и сборы в Горнюю. В 2 часа торжественный выезд опять под моею командою, при отлично хорошей погоде. Крестный монастырь. Церковь. Библиотека. Фотий[253] не photis[254]. Прямиком на запад. Аммоновы рога. Mare. Айн-Карем. Трезвоны наш и ихний. Монастырь латинский[255]. Источник Богоматери[256]. Magnificat[257]. Роздых в Большом доме с чаем и оладьями[258]. Осмотр Малого дома[259] и новостроющейся церкви[260]. Обещанное поликандило. Келья матери Павлы[261]. Отъезд, напутствуемй звоном. Веселое возвращение восвояси. Галоппирование охотников, увлекшее и моего коня... Все осталось позади. Ай да лошадка шестинаполеонная! Водворение у себя. Военное приветствие у крыльца Миссии отставшим Высочествам, ответом на которое был прыжок В. К. Сергия Александровича чуть не в объятия мои с буцефала своего и краткая беседа в сенях Миссии относительно предстоявшего богослужения. Экая любезность настоящая царская! У себя чай и вычитывание вечерни-утрени, кончившееся часов в 10. Потом молитвы. Утром сегодня мною представлен был проект великокняжеских экскурсий, совмещавший в себе и поездку к Дубу, но не удостоился апробации вероятно потому, что приходилось бы всей компании дважды ночевать не дома, раз в Вифлееме и раз у Дуба. А жаль, поистине, что наша Хевронская Московия не будет известна таким гостям. Остается похвалиться им Иерихоном и Бетжалою.

Понедельник, 25 мая

Не оставалось времени для отдыха. Третья ночная служба эта была по желанию Его Высочества Константина Константиновича, хотевшего помолиться о своем

---

[253] Фотий — архимандрит, ректор Богословской школы, основанной при Крестном монастыре по инициативе первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Порфирия (Успенского) в 1849 году.

[254] Не просвещенный (греч.).

[255] Францисканский монастырь на месте Рождества Иоанна Предтечи.

[256] Источник, на который ходила, по преданию, за водой Пресвятая Дева, гостившая в Горней у праведной Елизаветы. Над источником — мечеть, закрытая после 1948 года, когда арабское население было изгнано из Айн-Карема.

[257] Францисканский монастырь, приписанный к монастырю Рождества Иоанна Предтечи и расположенный на месте встречи Богородицы и Елизаветы, где Пресвятая Дева воспела Свой хвалебный гимн «Величит душа Моя Господа». (Magnificat в переводе с латинского «величит»). В современном виде храмовый комплекс, включающий Верхнюю и Нижнюю церкви (со Святым колодцем в крипте), построен в 1938—1955 гг. по проекту итальянского архитектора А. Бурлуцци. На стене клуатра размещены керамиды с текстом молитвы «Величит» на 42-х языках — в том числе и по-церковнославянски.

[258] «Большой дом» — если идти по склону холма, как шел о. Антонин со своими спутниками, находится справа, т. е. к западу от Magnificat' а, окруженного со всех сторон территорией Русского участка (прежнего Горненского монастыря).

[259] «Малый дом» расположен соответственно слева, т. е. к востоку от францисканского участка.

[260] Речь идет о строительстве Свято-Казанского храма в Горней, законченном в 1882 году. Храм освящен архимандритом Антонином (малым освящением) 13 февраля 1883 года. Горненский женский монастырь, основанный им, официально утвержден Св. Синодом в 1898 году.

[261] Одна из «первопоселенок» Русской Горненской обители — «скитянок», как называл их о. Антонин. Память о ней и сейчас свято хранится в монастыре.

покойном брате Вячеславе[262]. Заказывал он ее о. Агафангелу[263], но я протестовал против такого афронта Миссии, и дело осталось за нами. В 12 часов мы с Якубом и коливом отправились в город паки и паки, но зашедши к консулу узнали, что Вел. Князья уже уехали в церковь. Другая коляска подхватила нас и довезла до Яфских ворот. В храме мы застали Их Высочеств Сергия Ал. и Константина Кон., выходящими из Кувуклия. Я провел их к гробам Иосифа и Никодима, которых они еще не видели. Затем, спешно облачившись в числе 6-ти священников и 3-х иеродиаконов — всех русских — служили Божественную литургию на Голгофе со всем великолепием и благим порядком. Вместо «Причастна» пето было «Непорочнии в путь...» По-гречески — ни слова! Их Высочества молились с глубоким умилением и умилили меня. В 3 часа возвратились домой при свете 4-х планет. Сон до 8 часов. Чай. Приказ быть готовым к отъезду в Вифлеем в 1 час пополудни. Наши бетжальские приготовления. Письмо от г. Степанова с извещением, что ночью у Св. Гроба приобщаются Высокие гости наши, что Павел Ал. просит меня быть его духовником, а другие Вел. Князья просят меня назначить им духовных отцов «из самых простеньких»... Быть посему! В 12 часов я один отправился верхом в Бетжалу, чтобы все там привести в наилучший порядок. От спешности раза три несся во весь мах и успел дать всему нашему заведению самый приличный вид. Возвратился на большую дорогу как раз во время прибытия экипажей к памятнику Рахили. Но тут вышел неожиданный поворот в распоряжениях. Его Высочество, Сергий Ал. решительно отказался терять время *только* на осмотр школы и ничего другого в неисторической Бетжале и, заметив мое уныние от сего, просил через полковника не сердиться на него и от «души благословить» его прямое путешествие в Вифлеем. Нечего было делать. На конь, и галопирую впереди всех, чтобы успеть принять участие в встрече Высоких Посетителей у Св. Вертепа. В городе неописанное волнение народа, особенно на храмовой площади. Местный Архиерей и Епифаний встретили гостей перед вратами базилики, а Патриарх в самых дверях. Прямо провели Их Высочеств в Вертеп правою стороною, при пении тропаря Рождеству Христову. Немедленно ектения по-гречески и чтение Евангелия самим Патриархом — тоже греческое — от Матфея. Оно же по-славянски было прочитано вслед затем митрополитом, присовокупившим к нему и речь Их Высочествам, не худо составленную и кончившуюся прошениями. Восход в палаты владычные. Угощение всех чаем. Alter-ego[264] делает мне запрос, доволен ли я останусь, если Вел. Князья оставят мне на мои дела 10 т. франков... Вот как пошло! Через полчаса осматриваем Молочный грот[265], еще базилику без народа, проходим латинские катакомбы[266], и оставляем храм, а затем к Иерусалиму. Я был последним, но гарцующая юность, паче же глупость унесла меня скоро далеко вперед всех. Соперником оставался только г. Дондуков[267], моряк, столкнувшийся со мною перед Рахилью[268] и поддержавший меня от неминуемого падения, так как правое стремя мое оторвалось, и я потерял равновесие. Затем все ехал уже шагом. Компания заезжала на минуту по пути к Кабоге[269], но не застала его дома. Осталось бы времени и для моей Ефра-

---

[262] Великий князь Вячеслав Константинович (1862—1879), младший сын великого князя Константина Николаевича, первого августейшего паломника в Святой Земле.

[263] Агафангел — см. выше.

[264] Имеется в виду М. П. Степанов.

[265] Пещера неподалеку от Вифлеемского храма Рождества Христова, в которой, как думают, отдыхало Святое Семейство на пути в Египет. Получила свое название от капель молока, разбрызганных, по преданию, в момент, когда Богородица кормила Младенца.

[266] Имеются в виду пещеры блаженного Иеронима, Павлы и Евстохии, имевшие в описываемое время прямое сообщение с Вертепом Рождества и Пещерой Младенцев.

[267] Морской офицер из свиты Великих князей.

[268] То есть перед гробницей Рахили, на пути между Иерусалимом и Вифлеемом.

[269] Кабога — австрийский консул в Иерусалиме.

фы[270], но... Возвратились домой часов в 6. Чуть я сел за стол, как явился Вел. К. Сергий Ал. Один, с визитом, совсем неожиданно. Осмелился я просить Его не привязываться всем сердцем к военной службе, замыкающей человека в слишком тесный кружок обязанностей, мыслей и дел и вовсе ненужной членам царствующего дома, а все свое внимание устроить на помощь Государю, и быть Его ангелом-хранителем и пр. и пр. Проводил редчайшего гостя за двери дома Миссии. В 9 часов снова вся миссия уже в храме. Высокие говельщики явились все в белых одеждах, с единственным украшением на груди — Животворящим Древом. Какой богоприличный такт! Мы пели им все самое лучшее из нашего церковного репертуара, не забыли даже прибавить к канону Вознесения катавасии Великой Субботы. После утрени я прочитал исповедные молитвы. Во время правила Их Высочества исповедывались, Константин Константинович у своего о. Агафангела, Сергий Ал. по указанию моему у о. Парфения[271], а Павел Ал. — у моего убожества. Равно и г. Степанов. Более 200 матросов из второй смены фрегата и клипера исповедывались потом в течение полутора часов. Молитвы причастные читал я сам. Оставив Парфения доканчивать исповедь, мы, остальные, спешили начать обедню, но католики, трубившие и рычавшие у Св. Гроба, задержали порыв наш минут на 10. Наконец, все там угомонилось, и мы начали свою службу получасом ранее обыкновенного.

Вторник, 26 мая

От умиления не дремалось и не зевалось. Пение было скорое. Приобщение моряков наших длилось более получаса и истомило меня. В 3? конец всему. Возвращение домой, и сон глубокий до 10-го часа. Вставши, нашел, что Якуб скудается боком и все-таки готовится ехать на Иордан, укладывает вино, пирожки, бананы и тому подобное. Едва успеваем к 2-м часам все собрать, уложить и в путь направить. Аккуратно в назначенный момент выезжаем из консульских ворот, я держусь поначалу прибочного положения, но за углом города уже делаюсь предводителем каравана и направляю его прямо на Елеон в Вифсфагию и в Вифанию. Спуск в могилу Св. Лазаря. Пение там тропаря, и литийца малая, и слово некое о тлении и о прочем. Великий спуск к «Источнику учеников». Бесконечное виляние по длинной Уади-Ход. Остановка с чаем и пирожками у гостиницы Доброго Самарянина. Вперед от заходящего солнышка. Пикеты солдат там и сям, вовсе ненужные. Niveau de l' OcCan[272]. Сумерки. Дебрь Хозевитская[273]. Спуск в равнину Иорданскую. Наш приют[274]. Палатки в саду. Размещение гостей по комнатам. Скорый ужин. Сон на скамье под открытым небом.

---

[270] Ефрафа — древнее библейское название Вифлеема. Говоря о «моей Ефрафе», отец Антонин горюет, что не смог показать Великим князьям приобретенный еще в 1866 году и обустроенный им участок в Бет-Джале, возле Вифлеема, где была им основана школа для девочек, переданная позже Православному Палестинскому Обществу и преобразованная последним в женскую учительскую семинарию.

[271] Иеромонах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. См. выше.

[272] Указатель с отметкой «Уровень моря» на Иерихонской дороге. Долина Иордана лежит почти на 400 м ниже уровня моря, Иерусалим — почти на 800 м выше уровня моря.

[273] Ущелье Хузива (современное арабское название Вади-Кельт), где находится монастырь преподобного Георгия Хозевита. Восстановлен незадолго до описываемого времени игуменом Каллиником, который по благословению Патриарха Иерусалимского Иерофея поселился отшельником среди древних развалин в 1878 году.

[274] Имеется в виду «Иерихонская Московия» отца Антонина — приобретенный им земельный участок в Иерихоне, площадью более 15 тысяч кв. м, с двухэтажным домом для паломников, часовней и садом. До недавних пор участок принадлежал Русской Православной Церкви за рубежом, в настоящее время руководством Палестинской Автономии возвращен России.

Среда, 27 мая

Всякого рода шум и гам, продолжавшийся всю ночь, мешал заснуть мне надлежащим образом. В 3 часа уже все были на ногах. Я, конечно, был готов ранее других и попрежнему ехал впереди за кавасами. За мною скороход нес на палке горящую смолу. 4 планеты смотрели нам прямо в глаза. Пока доехали до Святой реки, совсем рассвело. Немедленно мы устроили плотик на воде, тот самый, который служил нам 6-го января, и начали водосвятие. Пели Виссарион, Козубский и Дмитрий. Чуть мы кончили службу, из поставленной при самой воде палатки стали выбегать нагие фигуры и погружаться в Иордане. Все происходило живо и спешно. Затем — чай, за ним — крещение одной сестры милосердия, католички, венгерки Каролины Ив., г-жи Хроме, нареченной Мариею[275]. Восприемником был Е. И. Высочество В. К. Сергий Александрович. Чуть кончилось это, караван снялся с места и разделился на две партии. Оба Царевича направились в Иерихон, а Великокняжич поехал с небольшою свитою на Мертвое море. По призыву Аркадия[276] и Симеона[277], я предложил было Их Высочествам заехать в монастырь Предтечи, но согласия на то не получил. Благополучно, еще до жару, возвратились мы в свою Московию[278]. Под тысячным деревом пили чай, и презентировали при сем публике кисть бананов, только что срезанную, в пуд весом. Затем следовал отдых на рогоже под лимонами до самого полудня, к которому возвратился и третий Великий Князь, искупавшийся вторично в Иордане. Обед в Salon'е с мороженым, исполнившим радостию сердце мое. Потом глупейшая пляска феллахов и феллахинь, длившаяся около часа, и паки отдых. Приказ ехать домой в 4 часа. Но в самый момент отъезда его отсрочили еще на час, посвященный моей беседе с Их Высочествами наедине в их комнате, обращенной на обсуждение разных пунктов Евангельской истории. Чистые, благие и святые души Царевичей пленили меня. Это несомненно она, высокая боголюбица и смиренная христианка[279], возрастила и сохранила их такими в усладу и похваление всем ревнующим о духе, небе, Боге. Мир духу ЕЯ! В 5 часов садимся на коней, посылаем мысленный поклон Сорокадневной горе[280], и едем обратно вчерашним путем в Иерусалим. Солнышко лезло в глаза. Пот катил градом. Ведется разговор с В. К. Константином. Просит, чтоб я помолился Богу, чтоб ему попалась жена православная, и когда это ему удастся, он напишет мне о том и еще раз вместе с нею приедет ко мне в гости... Я отвечаю, что м. б. и приедет, только уже не ко мне, ибо я старый человек и ближусь к своему термину... Нет, нет, нет, возражает с трогательною любезностью собеседник, непременно к Вам. Быть по сему! За минуту до заката солнца мы достигли хана, и напились там уже готового чаю. Затем, в тишине, при луне, но не в прохладе, подвигались скоренько вперед и вперед. Я по-прежнему коноводил, а нередко и отставал, вступая в разговоры то с тем, то с другим из свиты. У источника Апостолов не останавливались. Поднявшись на высоты Вифанские, зазываемы были колоколом Спиридоновым в его обитель[281] но сказано было ехать «прямо» и новая Калипсо[282] осталась в стороне. Еле-

---

[275] Хроме Мария Ивановна. См. выше.

[276] Аркадий (Конюхов) — русский инок, подвизавшийся на Горе Искушения, в греческом монастыре, восстановленном на месте древней Лавры преподобного Харитона Исповедника в 1875 году.

[277] Симеон — отшельник, живший в Иорданской пустыне, близ монастыря святого Иоанна Предтечи.

[278] Имеется в виду «Иерихонская Московия». См. выше.

[279] Императрица Мария Александровна (1824—1880) — супруга императора Александра II.

[280] Гора Искушения, с которой связывается воспоминание о 40-дневном посте Спасителя.

[281] Имеется в виду греческий православный монастырь во имя праведного Лазаря и сестер его, Марфы и Марии, построенный в 1879 году архимандритом Спиридоном, впоследствии (в 1891—1897 гг.) Патриархом Антиохийским.

[282] Древнегреческая нимфа из поэмы Гомера «Одиссея», семь лет продержавшая Одиссея в «гостях» на своем острове. Здесь — иронически, в смысле неуместного, навязчивого гостеприимства.

Рис. 4. Храм во имя св. Марии Магдалины. Св. Земля. Иерусалим

онская Московия[283] приветствовала стоконный караван наш веселыми огнями с высот своих. Наконец, к 10 часам мы были дома. Парфений встретил живым вопросом: будем служить? Ответ: «жалея нас (?), Великие Князья даровали нам завтра целодневный отдых, и сего ради отложили выезд свой до субботы». Чай и, разумеется, немедленный сон... Да! Пошли ему Господь Великую Княгиню православную![284]

Четверток, 28 м(ая)

Ну, да и спал же! Раза два-три просил себя о «прибавке». Наконец, не стало мочи лежать. Да кстати кто-то так неумолимо постучал в двери, что необходимо было воспрянуть. Стучавшего не оказалось в коридоре. Но на дворе уже усаживался в экипаж фрегатский командир Феодор Гирс. Вышел проститься с ним и вручил ему на память, по его желанию, Евангелие в масличных досках для жены его, сущей православной. Чай и чада. В консульстве раздача подарков великокняжеских. Осман, сияющий всеми радостями от пожалованных ему часов. Больной Якуб туда же глашается, и тоже получает часы золотые, после чего снова ложится в постель, преследуемый лихорадкою и своим неугомонным боком. Г. Степанов с коробкой, из которой вынимает и вручает мне 10 свитков с наполеонидами, яко же речено бысть в Вифлеемстей веси... Тоска умиления по сему случаю. Составление Путевых Записок тремя авторами. Приказание в 5 часов отправиться на Крестный путь. Обед. Приготовление подарков — Oeuf pour

[283] Отец Антонин все участки Русской Духовной Миссии называет «Московия»: Хевронская Московия, Иерихонская Московия (см. выше) и т. д. «Елеонская Московия» — территория, на которой расположен ныне Русский Елеонский монастырь, относящийся к юрисдикции Русской Православной Церкви за рубежом.

[284] Великий князь Константин Константинович женился 15 апреля 1884 года на Елизавете Маврикиевне (1865—1927), дочери герцога Морица Саксонского и герцогини Августы Саксен-Мейнингенской. Они воспитали в вере и благочестии восемь человек детей, один из которых (князь Олег) пал смертью храбрых в сентябре 1914 года, четверо (Георгий, Игорь, Иоанн и Константин) погибли в Алапаевской шахте 18 июля 1918 года вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной, дочь Татьяна (в иночестве Тамара) была игуменьей Русского Елеонского монастыря в Иерусалиме в 1951—1975 гг. Умерла на Успенье 1979 года, похоронена за Вознесенским собором Елеонского монастыря.

boeuf![285] Без Якуба, как без рук. В 4 часа звон большой к вечерне малой. От кафизм улизнули с о. Вениамином, которого я и отрекомендовал, яко храброго воина, Их Высочествам. Показал им мощехранильницу Миссии с частицами мощей Св. Великомученика Георгия. Вел. Князь Сергий просил при сем закрепить своею подписью поднесенное ему мною Евангелие, с каким-нибудь приличным стихом из Божественной книги. Я написал: «Будите мудри, яко змия и цели, яко голубие». Отличные люди, прочитав это, пришли в истинное умиление. О, да будет тако, по глаголу Господнему! Засим отправились, пешие, консульскими воротами по местности бывшей церкви Первомученика Стефана, к Дамасским воротам и городом до австрийского госпица, и прошли затем по Крестному пути все три поворота, пока вышли к Русскому Месту[286], которое тоже осмотрели. Обошли и весь пустырь бывшего Иоаннитского приюта с страшноглубокими систернами, наконец, еще раз обошли всю внутренность храма Воскресения. За Яффскими воротами Их Высочеств ожидала коляска, в которую и меня обязательно заставили сесть рядом с В. К. Константином. Любезно простились потом у консульского дома. У себя quasi-отдых. Регент, обиженный невниманием к его трудам раздавателей подарков. Vinum Mambre[287] в 14-й №. Чай. Дочитывание утрени. Выбор фотографий фирмы Willok для поднесения Высоким гостям. Правило. Умолил давече Их Высочества дозволить мне употребить их наполеоны на вывод второго этажа на Иерихонском приюте. Чуть ли не показалось Им это обидным.

Пятница, 29 мая

Поди же ты, не спится! Приготовление подарков всякого рода и вида. В половине десятого звон к обедне. Их Высочества изволили стоять в алтаре[288]. Пели мы им незатейливо. Вместо «Причастна» распевали Благовещенские стихиры. Провожали их из церкви со звоном. Нашел я их потом в больнице, где наш Никита Божиею милостию выздоравливает. Ходатайство перед полковником о милости певчим и всем нашим. Ожидание Высоких Визитаторов всем собором и все-таки они явились неожиданно, совсем ex abrupto. Посидели у меня тут на диване с ? часа, поговорили о вещах безразличных, и спешно отправились восвояси, не захотев видеть ничего более в доме нашем. Я проводил их за двери своего (!) заведения. После малого промежутка времени, г. Степанов принес часы для регента и еще тысячу франков для раздачи миссионерам нашим. За это я ему всучил целый платок изделий из черного и красного камня. Полный удовольствия, я велел отыскать Козубского. Вместо одного явилось четверо певчих, и учинили мне такую демонстрацию, что я не раз вышел из себя от их наглых нападок на меня за мое обидное невнимание к ним, совершенное бессердечие, лукавство, жестокость и пр. и пр. Порфирий раскрыл свою глотку как калитку, и раз 10 тыкал в меня своими 16-ю годами службы при мне, ничем не вознагражденной. Козубский, осмотрев часы, отказался от них наотрез, не желая поставить себя на одну

---

[285] Буквально: «яйцо за быка». Французская поговорка: «пытаться за пустяк получить что-либо значительное». Отец Антонин имеет в виду несоизмеримость своих подарков августейшим гостям с тем пожертвованием (в 10 тысяч франков), какое получил от них на нужды Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[286] Русское Место, или Александровское подворье — участок, приобретенный Русским правительством в 1859 году, близ храма Гроба Господня. Археологические раскопки на этом месте, проведенные отцом Антонином в 1883—1884 гг., выявили фрагменты древней городской стены и «Порог Судных Врат», через которые Господь прошел на Голгофу. Позже над раскопками была построена церковь во имя святого Александра Невского, освященная в 1896 году (ныне принадлежит Русской Православной Церкви за рубежом).

[287] Мамврийское вино. Имеется в виду вино, полученное из виноградников на Русском Хевронском участке у Дуба Мамврийского.

[288] Речь идет об алтаре Троицкого собора — главного храма Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

доску с Османом, а потом назвал Якуба первым мошенником, по общему якобы тут признанию, и все-таки награжденным золотыми часами! Фу! Гадкие рожи! Потом Порфирий пристал как клей, требуя от меня заверения письменного для консула, что они — порядочные люди! Помешались мои сослуживцы. О пожалованных деньгах и слышать не хотят! Долго я не мог успокоиться от этой глупейшей сцены. Ненависть ко мне людей этих выступила в ослепляющей яркости. Вот тебе и гуманное — более сего — дружеское обращение с подчиненными. Рыжая рожа погрозила мне даже чем-то на завтрашний день. Очевидно, затевают сделать скандал завтра при Голгофском служении, на посрамление меня перед Вел. Князьями. Зная, что Их Высочества уже укладываются, я отнес им иконы Св. Троицы, иорданские трости и свои творения, по желанию Константина Константиновича. Увидав последние, и Сергий Александрович тоже пожелал их иметь в своей библиотеке. Отозвав последнего в сторону, я дерзнул молить его не давать мне креста с брильянтами, а лучше сделать по-прежнему блестящею всю нашу Миссию, и прежде всего добиться уничтожения царского декрета о закрытии Миссии и пр. и пр. С консулом и г. Степановым советовался насчет певческой истории. Последний велел предложить часы второму по регенте певчему, а если мужики произведут завтра скандал, то в тот же день их и духу не будет в Иерусалиме... Последнее решение я не замедлил передать пану Козубскому, встретив его на дворе. На что его ясневельможность отвечала, что найдет место себе на небе. Красная рожа в свою очередь отказалась от несчастных часов, считая это недозволенным себе после того, как его набольший отказался от них. В 5 ч. мы делали последнюю милую экскурсию с Вел. Князьями к «Царским Гробницам»[289] пешком. Грустью повеяло на меня при сем от мысли, что празднику нашему наступает конец. Дома чай, укладывание в крестики малейших частиц св. мощей Великомуч. Георгия, длившееся чуть не до полуночи. Затем еще следовали чтение вечерни и утрени и причастного правила. Лечь спать пришлось уже в 3 часа ночи.

Суббота, 30 мая

В 5 ч. отправился в храм. Певчие все были налицо. Служба прошла благополучно. «Милость мира» пето «сельское». Вместо «Причастна»: *Егда от древа Тя мертва.* Добрые Князья были в умилении. Я поднес им просфоры, и в день всеобщего поминовения усопших[290] пожелал, чтобы память сего дня утешила их в неотвратимые минуты смерти. Немедля возвратились все домой. Наем коляски до Яффы за 60 fr. Скорое приготовление в путь-дорогу. Якуб хочет как-нибудь доехать хотя до Колонии. Оттуда поеду далее с Османом. Стакан чаю. Чьи-то слезы. Никола запыхвшийся со словами: «Уже в церкви!». Бегу туда с платками в руках. О. Вениамин уже начал молебную литию. Церковь Крестовая[291] полна народа. Молитва с коленопреклонением. Царское многолетие. Поднесение Их Высочествам крестиков со св. мощами. «А Государю есть?» — спрашивают. Киваю головой в знак согласия. Шумно выходим все из дома Миссии. Вел. Князья садятся в экипаж. Их осыпают цветами. Раздается звонок, и 9 колясок уносятся одна за другой за церковные ворота заведений. Остается моя последняя, по милости Николы накрытая тентом. Уносимся и мы, раскланиваясь с публикой направо и налево. Торжественный, хотя и с подкладкою грусти, моментик. Нагоняем передних, и занимаем 7-е место между колесничниками. Летим славно. Передо мною торчат белые фигуры пашей с неузнаваемыми лицами. Великие Князья, конечно, впереди всех, без тента и даже без зонтиков, летят, не оборачиваясь. Колония. Патриарх приглашает в кофейню выпить чаю. Знать усаживается вокруг стола. Я с Шихашири[292]

---

[289] Имеется в виду известный археологический памятник в Иерусалиме (на нынешней улице Саладина). Во времена архимандрита Антонина считалось, что это гробницы древних царей Иудеи.

[290] Речь идет о Троицкой родительской субботе.

[291] Имеется в виду домовая церковь Миссии во имя царицы-мученицы Александры.

[292] Шихашири Михаил Осипович. См. выше.

служу за драгомана. Из СПБ получена уже телеграмма. Государь утверждает орденские награды Патриарху, пашам и др. Я один пью вместо чаю пиво. Все Высочества украшены красными ленточками нашего приготовления и крестиками с св. мощами. Трогательно. Едем дальше. Ветерок слабеет, и начинается духота, увеличивающаяся по мере спуска с гор. Под Сарисом малая остановка и лимонад, отлично кстати пришедшийся. Конец горам. Воздух раскаленный, в тени 32 Реомюра и 39 Цельсия. От жгучей струи ветерка защищаюсь ладонью. Никогда в Палестине я не испытывал такого африканского зноя. В Латрунской гостинице Говарда остановка. Приготовленный под палаткою стол переносится в дом. Закусываем. Мороженое и шампанское весьма, весьма кстати. Пишу «Великую просьбу о малом деле». Осматриваю древнюю гробницу с Coculi и привальными камнями, открытую у самого дома. Больной Якуб забыл о болезни и едет со всеми другими. Даже Жорж повар и тот прицепился к нам и тоже тащится не весть куда и зачем. Шихашири уверяет, что наши 3 наполеона прогонные заплатит сам Его Величество Султан Хамид-хан. Пеки. До Кебаба еще чувствовалась жгучесть воздуха, потом ее сменила простая духота. Защищаемся от солнца всем, чем можно. Ремли. Поворот вправо. Песок и пыль. Лидда. В церкви[293] я уже не застал Епифаниевой речи. Сходим к могиле[294]. Я пою: *Величаем тя* и пр. и говорю краткую ектению. Тут же в церкви Никола[295] (спасет его Бог!) с лимонадом. Кое-как выбираемся из пыльной селитвы. На месте памятного ночлега нашего 13 ноября разбиты палатки, готов уже чай, и ученики протестантской (и православной вместе — по Епифанию) школы поют (читай: ревут) канты, и один произносит Их Высочествам речь. Убогий карильон[296] пищит и скрипит тут же. Школа получает за свои труды 200 франков, и мы едем вперед прямою дорогою на Язур, у которого оставляет нас солнышко. В сумерках достигаем Яффы. На набережной владыка Иорданский еще плетет по тетрадке Их Высочествам нечто на прощание и садится с ними и консулом в лодку. Разыскивается Вел. Князьями «отец архимандрит» и усаживается рядом с ними, полный грустного чувства расставания. Маленькая зыбь. Французский «Aviso» всенепременно опять стоит на рейде. «Герцог Эдинбургский» уже дымит. Подплываем к нему и без труда на этот раз попадаем на трап. Фаланга офицеров раскланивается. В каюте капитанской и за нею на галерейке духота. Уловляю полковника и прошу окончательных приказаний, как поступить с 1000 франков, пожалованных Миссии, в виду вчерашней истории. Получаю полнейшую власть распяти их и пустити, тоже и с часами поступить совершенно, как мне угодно. «А мне до крайности угодно выпросить их себе на память», — отвечаю я. За сие заключаюсь в объятия собеседника, и становлюсь их собственником. На палубе и у трапа ищу Якуба с вещами. Матросики уже тянут якорную цепь. Оставаться больше нельзя. Подплывает, наконец, лодка с Марабути[297], Фотием[298] и Якубом. Хватаю вещи и спешу в каюту Их Высочеств. Передаю вещи, любуюсь великолепной картиной «Южной ночи» художника Куинджи, принадлежащей Вел. Князю Константину, с которым уклоняюсь в его каютку, передаю ему четки для матери[299] и перламутик для сестры[300] и вместе «Великую просьбу». Он подводит меня к своей божнице, где горит неугасимая лампадка, и еще раз просит молиться, чтоб ему досталась православная жена... Тронутый до глубины души его любезностью, я хватаю его за руки и говорю: «Какие вы —

[293] Церковь во имя святого великомученика Георгия в Лидде.

[294] Имеется в виду гробница (кенотаф) великомученика Георгия в крипте храма.

[295] Халеби Николай Егорович. См. выше.

[296] Набор колоколов.

[297] Марабути Николай Степанович. См. выше.

[298] Самури Фотий Яковлевич — драгоман русского вице-консула в Яффе.

[299] Великая княгиня Александра Иосифовна (1830—1911) — супруга великого князя Константина Николаевича, совершившая с ним в 1859 году паломничество в Иерусалим и Святую Землю.

[300] Очевидно, имеется в виду великая княгиня Вера Константиновна (1854—1912).

прекрасные люди!» В свою очередь тронутый, он отвечает мне задушевно: «Какой вы — милый батюшка!» Этим кончается мой визит ему. В большой каюте я благословляю большим крестом каждого из Высочеств, и — прощаюсь с ними. Еще потолокся минут 5 на палубе в ожидании консула, еще раз простился с капитаном и г. Степановым и оставил фрегат. Сидя в лодке со всеми своими, хотели было мы дождаться ухода фрегата, но узнав, что там все сели ужинать, и дело еще может затянуться, поплыли к берегу. Высадились в триумфальной арочке, от которой завтра и следа не останется, и разделились ови на десно, ови на шуе. Сии последние были мы. За Яффою подхватили коляску, и укатили в свою несравненную Московию Св. Тавифы[301]. Ужин. Чай и абсолютный отдых. Так кончился наш столько жданный, русско-палестинский, с Августейшими персонажами, праздник всерадостный.

Пятидесятница, 31 мая

В первый раз, конечно, в жизни я не только не служил, но и совсем не был в церкви в такой великий день. Спал до девяти часов в прохладе, невозмутимой тишине и покое духа. Место пребывания моего слало мне в душу что-то чарующее. Как будто возвратилась блаженная «троица» батуринских времен. Стоило выйти в сад и посмотреть на небо, чтобы увидеть в высоте еще раз три таинственные березы, столько меня занявшие и восхитившие вероятно 17 мая 1825 года, или годом ранее — 25 мая. Послал по широкому морю праздничный привет вчерашним гостям нашим, помолился на беседке, вдыхая густой свежий воздух, напитанный ароматом 500 садов. Как все и всюду хорошо! А ты зачем тут, непрошенная и неотвязная спутница — старость? Тут место одним Андреюшкам да Яшенькам, и много — Алешам 40-х годов. О! Каким стоном выгнать из сердца тугу жизненного отцветания! Старик возвратился из города от обедни роскошно одетый, поздравляет меня и делает, чтоб я остался тут хоть на неделю... «Останусь и на месяц, если вместо горшка будешь носить на плечах голову», — отвечаю я. И действительно остался бы, но... Христина с водовареньем и чаем. Приготовление к отсылке в Афины забытых книжек. Постановка рамки на запись великокняжескую 1872 г.[302] и жаление крепкое, что не повторился случай для нее в 1881 г. Что будешь делать? Неудачи Хевронская и Бетжальская отняли у меня «крылья дерзновения», да и никак не приходилось вчера ночью зазывать сюда Их Высочеств. Будем довольствоваться надеждою встретить здесь через 5 лет В. Князя Константина с его православною супругою. Строительные беседы. Чтение газет, еще сон от усталости глаз. Освобождение кипариса от гнетущего миндаля. Обед с ухою, какой не кушал сам Иафет Ноевич[303]. Экскурсия на все 5 холмов Тавифских. Пленительная картина! Сбор мозаики. Уже 5 часов, а консула нет. Весть, что он уже уехал. Ускоренные, по сему случаю, сборы в дорогу. На, и — Его П-во (Превосходительство) с Его Б-ием (Боголюбием) Александром II . Чай под орехом. Обход с юношей всего сада. Сумерки уже. Прощаемся и едем. Прохлада, луна и на сердце тишина. В Ремли закуска и чай. В Баб-эль-уади тоже чай. Им и закончился сей маятный май месяц. Когда бы еще другой такой выпал!

Комментарий *Н. Н. Лисового.*
Подготовка к печати *Р. Б. Бутовой, Г. В. Фролова, Н. Н. Лисового.*

---

[301] «Московия святой Тавифы» — участок Русской Духовной Миссии в Яффе. См. выше.

[302] Имеется в виду мемориальная запись великого князя Николая Николаевича Старшего, посетившего русский паломнический приют в Яффе в 1872 году, во время своей поездки по Святой Земле.

[303] Отец Антонин имеет в виду предание, согласно которому Яффа (древняя Иоппия) была основана Иафетом, сыном Ноя, от чего и получила свое название. Ср.: «Нелегко было вообразить праотца Европы Иафета сидящим в пристани своего города и надсматривающим за построением первого мореходного судна по образцу памятного всему роду человеческому ковчега». (Архимандрит Антонин. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 1866. С. 6).